

вых прокуроров, судей, судебных заседателей, если многие из них мыслят на уровне бытовых стереотипов?

Здесь нужны простые и убедительные памятки и справки, семинары и профессиональная специализация по экстремизму. Иначе судья и прокурор оказываются беспомощными перед демагогией и лжеэрудицией экстремистов и их адвокатов. Можно направить за рубеж работников правоохранительных органов или пригласить специалистов из-за рубежа для того, чтобы воспринять имеющийся опыт таких стран, как Германия, США, Франция. Нужны особая учеба и пособия для юридических институтов, для школ МВД и многое другое, чтобы переломить ситуацию в правоохранительных органах.

Государство несет главную ответственность за противодействие экстремизму, и оно должно инициировать необходимые меры и осуществлять необходимые действия по защите общества. Но и общественности пора прекратить беспомощное нытье. Все это заканчивается постыдными для страны и нами же спровоцированными резолюциями международных организаций и иностранных парламентов, нацеленными на то, чтобы унизить и наказать Россию.

ФЕНОМЕН СЕПАРАТИЗМА*

Современный сепаратизм как политическая программа и как насильственные действия основывается на ложно трактуемом принципе самоопределения: каждая этническая общность должна иметь собственную государственно оформленную территорию. На самом деле такого смысла нет ни в правовой теории, ни в национальных законодательствах, ни в международно-правовых документах. Последние трактуют право народов на самоопределение, имея в виду признание существующей системы государств и право территориальных сообществ (а не этнических групп) определять систему управления согласно демократически выраженной воле и не в ущерб остальному населению. Самоопределение, особенно для этнических групп, — это прежде всего право на участие в более широком общественно-политическом процессе. *Сепаратизм в его этническом варианте — это выход из существующей системы или ее разрушение с целью оформления государственности для отдельной этнокультурной общности. Для сепаратистов самоопределение есть всегда отторжение общего государства, политическое и культурное разделение.*

Ошибкой идеологии и практики посткоммунистических трансформаций было неразличение задач демонтажа несостоятельной политико-идеологической системы СССР и задач улучшения правления и урегулирования противоречий в многоэтничных сообществах. Этнонационализм, в том числе в форме явочной сецессии, был неосмотрительно принят в союзники демократических преобразований, несмотря на свою утопичность и плохой послужной список в человеческой истории.

---

* Газетный вариант опубликован под тем же названием. См.: Независимая газета. 1999. 28 июля. С. 8.

Причины сепаратизма

Образование современной системы государств, в том числе и на основе бывших колониальных империй, произошло не благодаря, а вопреки этническому сепаратизму. Каждый раз борьба политических активистов или вооруженных группировок от имени этнических групп за выход из существующих государственных образований и создание новых государств заканчивалась кровавыми конфликтами и массовыми насильственными перемещениями населения. Фактически ни один случай вооруженного сепаратизма не закончился достижением политической цели. Там, где сепаратизм существует только в политической форме, его сторонники десятилетиями не могут добиться согласия большинства населения на разрушение общего государства.

Что касается распада СССР, то он произошел и был признан международным сообществом не потому, что некие этнические общности реализовали право на самоопределение, а потому, что имело место согласие правящих элит на упразднение государства (вернее, существовавшей политической системы) на основе состоявшихся референдумов среди населения вновь возникших государств. Кстати, в этом смысле все участвовавшие (и даже голосовавшие против независимости) в референдумах не латыши и не эстонцы являются равноправными создателями государств Латвии и Эстонии, и они были исключены из гражданства противоправно. Последнее оказалось возможным только по причине политической растерянности и обмана "нетитульного" населения новых государств, а также благодаря внешней поддержке невиданного по своим масштабам нарушения прав человека во имя скорейшего геополитического развода между Прибалтикой и остальной частью бывшего СССР. Западные стандарты спокойно выдержали беспрецедентный случай, когда большинство населения столицы государства Латвия перестало быть гражданами своей страны из-за этнического происхождения.

Хотя легитимность Беловежских соглашений и республиканских референдумов вызывает до сих пор много споров, распад СССР стал свершившимся фактом. Население бывших 15 союзных республик обрело государственный суверенитет и легитимные власти. Самоопределились многоэтнические гражданские нации, а не просто этнические казахи, литовцы, русские, украинцы, эстонцы и прочие, хотя риторика этнонационализма, под лозунгами которой шла политическая мобилизация за независимость, сохраняет свои позиции почти во всех постсоветских странах. Аналогичный по сути процесс, только в сопровождении более разрушительных конфликтов и с большей

долей внешних воздействий, произошел и в СФРЮ, которая распалась на пять государств со сложным составом населения.

Однако чем больше увеличивается число вновь возникающих государств, тем больше становится сторонников сепаратизма и самоопределения отдельных этнических групп. Ибо известно, что чем больше государств, тем больше меньшинств (а не наоборот!), ибо каждые новые границы создают разделенные общности и в каждом новом государстве культурное многообразие порождает новую групповую отличительность по отношению к новой доминирующей группе. "Многонациональность" как идеологическая основа сепаратизма появляется не там, где этническое разнообразие в изобилии, а там, где среди меньшинств есть достаточное число образованной интеллигенции и политических активистов, желающих стать доминирующим большинством (на языке сепаратистов — добиться "национального освобождения"). В этом смысле социалистические страны создали прекрасный материал для сепаратизма, положив с саморазрушительной декларативностью этнический фактор в основу внутреннего государственного устройства и вложив огромные ресурсы в образование и культурное развитие меньшинств ("социалистических наций"). Незадолго до распада Югославия была признана экспертами ООН как одно из самых примерных государств с точки зрения обеспечения прав меньшинств. Да и СССР выглядел с этой стороны более чем пристойно, если не считать сталинских депортаций и антисемитизма.

Вполне естественно, что попытки продолжить дезинтеграцию обруганных "многонациональных империй" инициировали лидеры бывших "двойных меньшинств" (армяне в Азербайджане, абхазы и южные осетины в Грузии, чеченцы в РСФСР, албанцы в Сербии). Эти попытки встретили жесткое противодействие со стороны властей новых государств. Однако сепаратизм оказался столь привлекательным и внешне простым способом решения противоречий для многоэтничных государств, что в ряде случаев ему удалось мобилизовать внутренние и внешние ресурсы и довести дело до разрушительных вооруженных конфликтов. Эти конфликты затронули постсоветские государства (Россию, Азербайджан, Молдову, Грузию), новую Югославию, Боснию и Македонию.

Свою долю в эскалацию сепаратистских конфликтов на уровень настоящих войн внесли сами государства и национализм шовинистического толка, а также оказавшиеся за пределами "исторической родины" местное население и военные. Абхазия — яркий пример того, как шовинизм грузин и позиция местных русских помогли оформиться непримиримому сепаратизму абхазского меньшинства.

Явочный распад СССР и СФРЮ породил проблемы обустройства новых многоэтнических (на советском жаргоне — “многонациональных”) государств, в которых, вполне естественно, появились свои меньшинства. В ряде ситуаций последние действительно почувствовали угрозу со стороны новых властей, исповедовавших часто крайние формы этнонационализма от имени титульных наций. Естественную тревогу не могли не вызывать лозунги типа “Грузия для грузин!” или политика языкового национализма и выталкивания нетитульного населения из власти и процессов приватизации. Кое-где, как, например, в Грузии и Югославии, были сделаны попытки силой упразднить уже существовавшие формы внутренних этнотерриториальных автономий.

Это были грубые ошибки новых властей, хотя не менее грубыми просчетами являлись установка на безграничную суверенизацию и утрата государственного контроля над армейскими арсеналами, как это произошло в России, когда воинственный сепаратизм в Чечне получил вооружения на целую армию. Аналогичные ошибки в отношении сепаратизма допустили в свое время и другие страны.

Драматичная и запутанная история сепаратизма не отменяет единственно правильной политики в современном мире — это мирное урегулирование внутренних конфликтов, связанных с жизнью многоэтнических сообществ, с формированием новых государств на демократических началах и с признанием императива многокультурности. Все проблемы — от Карабаха, Абхазии, Чечни до Косово — можно и нужно было решать через мирные и демократические процедуры, через настойчивую политику отстаивания интересов определенных групп и регионов. Как показал опыт Татарстана, именно на этом пути можно было добиться гораздо большего и избежать непоправимых жертв и разрушений.

Более отчаянные головы с опытом работы с древними рукописями (Владислав Ардзинба и Левон Тер-Петросян) или занимавшиеся писательством (Зелимхан Яндарбиев, Ибрагим Ругова) предпочли мятеж. В ответ на этот вызов нашлись не ведающие компромиссов и не жалеющие жизни своих граждан президенты (З. Гамсахурдиа, Э. Шеварднадзе, М. Снегур, Б. Ельцин, С. Милошевич) и министры обороны (Т. Китовани, П. Грачев), которые стали восстанавливать “конституционный порядок”. Виноваты те и другие.

Недавние расчленения государств под напором периферийной сецессии (или инициированные Центром) позволяют сделать вывод более глубокий, чем метафора о неизбежности “распада империй” и “триумфа наций”. Этот вывод-урок касается всей современной системы государств и их общей озабо-

ченности по поводу "мира с (бес)порядком". Фактор политизированного исторического детерминизма важен, но еще более значим и научно историчен вывод о том, что *признание новых государств в уже огосударствленном мире не должно происходить поспешно. Тем более, если старое государство еще существует и не признает своего распада и если остаются меньшинства, выступающие против раздела.* Тогда необходимы серьезнейшие аргументы в пользу того, что новое государство действительно состоялось и что через подлинное самоопределение это ведет к благу разводящихся сторон. Поспешное же признание без такой уверенности есть признание насилия виновных лидеров и вооруженных сект, которые узурпируют "волю народа". Хельсинский принцип "нет изменению границ силой" не устарел и для нового мира.

Инициаторы сепаратизма

Важно выяснить, что питает современный сепаратизм и что можно ему противопоставить, кроме обличений. Прежде всего вооруженный сепаратизм имеет слишком много заинтересованных и безответственных (а иногда и искренне заблуждающихся) действующих лиц, чтобы избирать мирную и эффективную стратегию в интересах тех, от имени которых, казалось бы, и действуют сепаратисты. Во-первых, инициаторы сепаратизма только на словах выступают радетелями "своего народа", а на самом деле они преследуют узкоэгоистичные цели утверждения себя в качестве "лидеров государств" и создания новых бюрократий, которые надлежит оплачивать "самоопределившимся народам". Цена, которую должны заплатить соплеменники за реализацию проекта сецессии, не важна, ибо сама сецессия провозглашается священным принципом, который не подлежит никаким обсуждениям.

Во-вторых, лозунг достижения независимости сопровождается пропагандой вражды к существующему государству и к остальному населению страны, а само положение субъекта сецессии рисуется в намеренно искаженном виде. В Чечне это называли "народоубийством", "этноцидом" и "колониальным гнетом", при этом используется травма сталинской депортации и проявления дискриминации в отношении чеченцев. Но при этом полностью игнорировалось существование в последние десятилетия довольно процветающей автономной республики (об этом вспомнили только после грандиозных разрушений!). В Абхазии сепаратизм эксплуатирует миф о 2000-летней государственности, которой якобы были лишены абхазы, хотя к этой государственности современные абхазы и грузины имеют очень условное отношение. В Карабахе для самопровозглашенной сецессии ис-

пользовалась советская демагогия о безоговорочном праве этнонаций на самоопределение, мифы о культурном геноциде и антиармянской демографической политике. В Косово сепаратизму служила идея Великой Албании, пропагандистская кампания о притеснении албанского меньшинства сербами.

Объективный анализ не обнаруживает всех этих внешне сильных аргументов. Достаточно сказать, что в Косово в последние десятилетия имели место интенсивное хозяйственное развитие, грандиозный рост образования и культуры (около 10 тыс. выпускников вузов ежегодно!) и заметный рост уровня жизни, что и составляет главный интерес людей. Примерно такой же была ситуация в Карабахе, Приднестровье, Абхазии и Чечне. Однако пропаганда воздействует на население, и оно перестает видеть позитивные стороны в своей жизни, равно как и другие варианты решения имеющихся проблем, кроме единственного, к которому призывают вооруженные активисты, — "борьба за свободу" (имеется в виду за собственных начальников). Миф об "освобождении от гнета" становится морально и политически единственно приемлемым, и вырваться из его авторитарно-жестких объятий простому человеку очень трудно.

Приходится делать вывод: *часть представителей меньшинств, включая власти и общественных активистов некоторых российских республик, не выдержала экзамен на новое демократическое общежитие.* Под внешне привлекательным, но по сути пустым лозунгом "национального возрождения" началась суэта с исправлением демографической ситуации за счет "репатриации соотечественников" и выталкивания русского населения, отторжение общероссийского исторического наследия и культурных ценностей, включая ставший родным для большинства нерусских россиян русский язык, раздача постов и привилегий для соплеменников, низкие спекуляции вокруг обмена лояльности на федеральные финансовые субсидии.

Означает ли это необходимость более жесткой линии в отношении нерусского населения страны? Безусловно, нет. Россия сильна своим многообразием. Означает ли это конец унижающих достоинство и развращающих преференций и особых коллективных прав в ущерб правам граждан и равноправия? Видимо, да. *Судьба СССР и Югославии должна стать уроком не только несостоятельности их политико-идеологических систем, но и серьезной ущербности так называемой национальной политики, т.е. государственной политики преференций в отношении меньшинств, включая "свою" государственность.* Когда-то покойный Эрнест Геллнер, крупнейший европейский обществовед, привел в разговоре со мной единственный аргумент в пользу раздела Чехословакии: "малое — это прекрасно

(small is beautiful)". Сейчас, после Чечни и Косово, я серьезно сомневаюсь в достаточности этого аргумента в пользу этнически мотивированной сецессии.

Ресурсы сепаратизма

Сепаратисты навязывают свою волю через силу и принуждение остального населения, которое обычно живет в мире с представителями различных этнических групп и которое волнуют больше проблемы обустройства принадлежащих им земельных участков и домов, а не отвоевание территорий неизвестно у кого и для кого. Свою силу сепаратисты обретают через оружие и экстремистские организации, в которые рекрутируются молодые мужчины, готовые добывать средства существования и утверждать свое достоинство автоматом Калашникова, а не рутинным трудом. Рекруты сепаратизма в небогатых (а часто и в богатых) обществах с ослабленной государственной властью и с кризисной экономикой всегда находятся в достаточном количестве. Через автомат и простенький лозунг "это — наша земля!" гораздо легче добываются машины и квартиры. Это делается через изгнание чужаков-"оккупантов", когда не надо трудиться на сезонных строительных работах, как это было при "колониальном гнете" чеченцев. *Именно оружие и создание групп комбатантов, забросивших мирный труд в пользу военного промысла, позволяет сепаратистам бросать вызов государственной машине.*

Видимо, пришло время осознать, что повешенное на стену ружье стреляет не только в последнем акте. Попавшее в руки граждан оружие оказывается основным условием превращения политического лозунга сепаратизма в открытое насилие, совладать с которым крайне трудно, а изъять оружие еще труднее. Как скоро неработающие молодые мужчины в Чечне перестанут носить с собой автоматы, сегодня сказать действительно сложно. Но, видимо, все останется по-прежнему до тех пор, пока усилиями всей страны им не найдут более достойное занятие и пока их не принудят бросить оружие. В Косово ситуация будет аналогичной. Карабах и Абхазия уже давно представляют собой больше военные гарнизоны, чем гражданские сообщества.

Сепаратизм питает внешняя диаспора, которая всегда склонна оказывать эмоциональную и финансовую поддержку наиболее интригующим и рискованным проектам на "исторической родине". Тем более, что большинство симпатизирующих никогда на этой родине не жили и жить не собираются.

Диаспора с иммигрантским статусом, как, например, албанцы в США и Германии, ведет себя еще более определенно,

снабжая денежными переводами и добровольными комбатантами лагерь сепаратизма в стране исхода. Кое-где диаспора, имея высокий статус в стране проживания, может навязывать свою версию ситуации в стране сецессии и влиять на политику государств, добиваясь нужных резолюций, правовых актов и ассигнований. Так было в случае с армянами и албанцами в США, с албанцами в ряде стран Европы, с черкесской и чеченской диаспорами в Турции и Иордании.

Карабах, Косово и отчасти Чечня показали, что диаспора, особенно образовавшаяся уже в ходе конфликта, узурпирует этот конфликт и право на выражение "воли народа" и манипулирует конфликтом на расстоянии. Бывает, что вынужденная диаспора настроена на мирный исход из конфликта и осуждает вооруженный сепаратизм (ведь именно из-за этого и придется покинуть родные места). Таковы настроения значительной части чеченской, абхазской и армянской диаспор в России. Не разделяют воинственности вооруженных сепаратистов и многие косовары, хотя они вынуждены покинуть родину под силовым и пропагандистским воздействием. Но чаще дело обстоит по-другому: диаспора, несущая в себе травму и ненависть, давние или свежие обиды, хочет отомстить силами сражающихся сыновей или внуков.

Современные диаспоры столь мощны, что могут прекратить конфликт, а могут вести его десятилетиями, обеспечивая воюющие стороны деньгами и поддерживая политически. Пример — тамильская диаспора в Индии и в странах Запада, которая финансирует (1 млн долл. в месяц!) вооруженных тамильских сепаратистов в Шри-Ланке уже более 20 лет. Косовские и чеченские сепаратисты получали оружие также отчасти за счет средств диаспоры. Один из американцев, сам ни разу в Чечне не бывавший, открыто объявлял по телевидению, что отправил 10 тыс. долл. на помощь ведущим борьбу за свободу "своей исторической родины". Правительство США, только что принявшее закон о борьбе с терроризмом, не реагировало на это и подобные заявления. Российский МИД тоже промолчал. Считается естественным, что граждане с "корнями" в других странах могут вмешиваться в дела этих стран, часто не зная языка и ни разу там не побывав. В Косово американские граждане албанского происхождения фактически открыто участвовали в вооруженных действиях на территории Югославии. Если к этому добавить, что деньги и симпатии американских ирландцев помогают держаться сепаратистам Ольстера на протяжении многих десятилетий, то получается, что самая могущественная страна мира является откровенным экспортером сепаратизма в его наиболее неприемлемой для мирового сообщества форме насильственных (вооруженных или террористических) дейст-

вий против легитимных стран и правительств. Все это противоречит национальным законам и международному праву. *Видимо, необходимы особые государственные меры и международные механизмы, которые ограничивали бы внешнее вмешательство через диаспорное население, начиная от неоправданного участия в выборах и кончая поставкой оружия и добровольцев. Какие-то национальные и международные меры необходимы на территории таких стран, как, например, США, Великобритания и Германия, где состоятельные иммигрантские общины с ведома или без ведома правительств стран пребывания осуществляют политику вмешательства и дестабилизации в отношении стран исхода.*

Крах идеологии меньшинств

Сепаратизм использует международную озабоченность нарушениями прав меньшинств в современном мире. Сами дебаты по этим проблемам и соответствующий корпус международных деклараций и конвенций были в последние два – три десятилетия инициированы активистами движений малочисленных аборигенных народов и иммигрантских меньшинств. Ученые-гуманитарии, занимающиеся изучением культурного многообразия человечества, долгое время выступали лоббистами и организаторами движений меньшинств. Именно они часто приезжают в местные сообщества и своими неоправданными обещаниями и громкими заявлениями для внешнего мира дестабилизируют межэтнический мир и политическое согласие, а также подрывают лояльность государству. Именно они осуществляют разные “миссии по установлению фактов” и руководят международными неправительственными организациями в защиту меньшинств. Среди таких специалистов попадаются и откровенные авантюристы типа господина Ван дер Пратта, руководившего Организацией непредставленных народов и наций. Известны случаи, когда представители научного мира откровенно вовлекались в вооруженную борьбу сепаратистов против государства (например, англичанка Мария Броксап-Бенигсен в Чечне и Дагестане, американец Морт Абрамович в Косово).

Сегодня уже ясно, что один из уроков сепаратизма – это скорее аморальность, чем безоговорочная моральность идеологии и практики развода вместо совместных усилий по улучшению общественного правления и культурного сосуществования. В случае глубоких разногласий и конфликта по крайней мере более реалистичной представляется возможность существования общества-государства с параллельными структурами (пока новое поколение политиков не найдет формулы при-

мирения), чем деление государств. Последняя процедура не устраняет конфликт, а превращает его в межгосударственный, который разрешать еще труднее. Наивно верить, что отделение Чечни от России, Абхазии от Грузии или Косово от Сербии приведет к появлению добрососедских государственных образований.

Поддержка меньшинств только по определению ("мы — такие маленькие", "наша культура гибнет", "нас все время притесняют") несостоятельна. Современные меньшинства чаще всего обладают таким же или даже лучшим социальным и политическим статусом, чем большинство, а в ряде стран они выступают в качестве господствующего меньшинства, по крайней мере на уровне автономий (Адыгея и Башкирия в России, Абхазия в Грузии до изгнания из нее грузин). *Меньшинства столь же часто иницируют насилие, что и господствующее большинство.* Фактически все наиболее разрушительные конфликты в посткоммунистическом мире были инициированы меньшинствами, по крайней мере на стадии самопровозглашаемой независимости и создания незаконных вооруженных формирований.

Мир еще по инерции принимает политическую корректность идеологии "прав меньшинств" и осуждает позицию в защиту государства и большинства. Но, кажется, *наступает другое время — время не только защиты притесняемых меньшинств, но и защиты большинства от радикализма и агрессивности меньшинства.* Последнее иногда обладает более широкими возможностями, чем большинство, для навязывания собственного сценария. В случае с Чечней на стороне чеченского вооруженного сепаратизма оказались мощная коалиция российской радикальной демократии (верящей в советский этнонационализм), либеральный Запад (желающий "досоопределить" Россию), исламский Восток (расширяющий линии своего "цивилизационного пространства") и экспертно-информационное сообщество, замороженное эстетикой первой войны на территории бывшего политического и ядерного монстра. В случае с Косово на стороне косоваров (опять же не населения, а воюющих комбатантов и активистов-лидеров) оказались самые мощные в мире военные и пропагандистские ресурсы: НАТО и телекорпорации CNN и BBC.

Кстати, мир уже начал менее одномерно относиться к проблеме меньшинств, а Запад незаметно перенацелил основную деятельность в этом направлении исключительно на страны бывшего СССР и на восточную Европу, особенно Югославию и Россию. Возможно, такие страны, как Индия, Китай, Пакистан, Великобритания, Испания, Канада, поступают правильно, не допуская внешних манипуляций с собственными меньшинст-

вами, включая очаги внутреннего вооруженного сепаратизма. Ни одна западноевропейская страна не допустила комиссара ОБСЕ по делам национальных меньшинств М. Ван дер Стула на собственные территории.

В 1970-е годы, когда я проводил исследования в Квебеке, канадская полиция буквально следовала за мной по пятам ежедневно. На Гавайях моя встреча с активистами движения "Гавайская нация" в 1983 г. едва не кончилась неприятностями с властями. В США сепаратистов (техасских, гавайских и прочих) без всяких оговорок сажают в тюрьму, а сепаратистские группы отслеживают и подавляют самым жестоким образом. В России быстрое утверждение внешней открытости привело к образованию своего рода серых зон, особенно на Северном Кавказе, куда устремились сочувствующие меньшинствам романтики и откровенные авантюристы со всего света, неся свои утопические рецепты или чемоданчики с долларами для оплаты антигосударственной деятельности.

Сепаратизм как новая геополитика

Сепаратизм не стал бы глобальной проблемой, если бы не служил орудием соперничества государств и средством геополитической инженерии. Этот момент присутствовал и в прошлом, когда после первой мировой войны В. Вильсон, Ж. Клемансо и Д. Ллойд Джордж, ползая по физико-географической карте, "самоопределяли" народы Юго-Восточной Европы или когда в период второй мировой войны И. Сталин и другие победители меняли границы под тем же самым лозунгом. Теперь настала пора победителей в холодной войне навязывать свою волю внешнему миру через очередные этнические самоопределения. Заметим, что никогда в истории поборники этого принципа не применяли его в отношении собственных государств, если это не касалось расширения их границ.

Как показывает опыт Югославии, несостоятельность и разрушительный характер самого принципа "компенсируется" кабинетными проектами создания государств, которые подкрепляются бульдожьей хваткой дипломатов типа Р. Холбрука и военной мощью "миронавязывателей". Что будет с этими государствами и их границами через одно — два поколения, это не так важно. Важно другое — продиктовать волю и реализовать идеальные, сложившиеся в головах экспертов и политиков проекты для людей, которые живут за тысячи миль.

Безответственный энтузиазм новых переделывателей мира столь велик, что они не гнушаются двойственностью подходов и намеренными фальсификациями. Геополитически невыгодный сепаратизм не поддерживается и даже осуждается (будем

бомбить и Грузию, но только не Тбилиси, а Сухуми!). Отвечающий "антиимперскому" настрою и установке на наказание избранной жертвы (Сербия, Россия) соответствующий сепаратизм (косовский и чеченский) всячески поощряется и поддерживается как отдельными государствами, так и "международным сообществом" в лице постоянных зрителей CNN.

Чечня и Косово не стали бы столь масштабными трагедиями, если бы это же самое международное сообщество вовремя сформулировало свои сигналы не в виде резолюций, осуждающих "агрессию России в Чечне" и "агрессию Сербии в Косово". В последнем случае подобная фразеология стала поощрением вооруженной сецессии и подрывом государственности, без которой в любом случае наступает общественный хаос и которую не могут заменить никакие международные структуры и инструменты.

Пришло время сделать фундаментальный исторический вывод из последних событий: человечество не придумало пока ничего лучшего для обеспечения общественного порядка и социального преуспеяния людей, чем государства. Интеллектуальные дебаты об отмирании государств, квазигосударствах и т.п. на самом деле маскируют утилитарную цель — ослабление или даже разрушение одних государств для усиления других. Если существует действительная заинтересованность в "международном мире", тогда не следует спешить консультировать боевиков из Армии освобождения Косово, как это сделал бывший президент Корпорации Карнеги за международный мир американец Морт Абрамович. Не стоило спешно водружать флаги абхазских и чеченских сепаратистов над штаб-квартирой Организации непредставленных народов и наций в Гааге. У абхазов и чеченцев было более чем достаточно представительства, но не было ответственности и опыта пользования им. Поэтому усилия должны быть направлены на обучение политиков и общественных активистов тому, что люди, исповедующие разные религии и говорящие на разных языках, должны жить в общем государстве и решать проблемы развития и разделения власти (а не страны!), не изгоняя никого из собственных домов и не перекраивая границы.

Еще одним историческим уроком сепаратизма становится вывод о слабости силы и о непоследовательности ее применения в разрешении конфликтов. Косово еще раз продемонстрировало, что демократия и мир — не одно и то же. Ясно и другое — никакие гуманитарные акции и международные миротворческие операции не заменяют государства и общества в разрешении собственных конфликтов. Международное вмешательство далеко не всегда оказывается позитивным, ибо его участники имеют свои и часто достаточно узкие интересы. По-

этому поспешная приватизация конфликта внешними участниками — это тупиковая стратегия, которая опасно трактуется как некий новый порядок в предотвращении и урегулировании конфликтов.

После демонстрации опасных метаморфоз современного сепаратизма и еще более опасных манипуляций вокруг него будет справедливым, если государства с многоэтническим составом населения примут дополнительные меры для обеспечения собственного суверенитета и целостности. Это может означать определенное ограничение политики коллективных прав и преференций для особых групп населения. Во всяком случае после Чечни и Косово трудно представить себе ситуацию, когда бы появлялись новые этнотерриториальные автономии в составе федеративных государств. *Доведенная до абсурда тотальных бомбардировок борьба Запада по защите меньшинств в итоге дала обратные результаты.*

Как бы ни закончилась операция НАТО "по предотвращению гуманитарной катастрофы", война на Балканах и неурегулированные конфликты на территории бывшего СССР — это реквием по сепаратизму. Защитив существующие государства, от Китая и Индии до России, Югославии и стран Африки, и отвергнув вооруженный сепаратизм, который угрожает не только этим странам, человечество сможет спокойнее вступать в новую эпоху. Противоположный вариант "нового порядка" просматривается с большим трудом, ибо он беременен новыми циклами насилия. Сепаратизм несет разрушения и культурную деградацию большим и малым народам Земли, во имя которых, казалось бы, и осуществляется новое миронавязывание.

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА РОССИЙСКИХ ТРАНСФОРМАЦИЙ

МЕЖЭТНИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ И КОНФЛИКТЫ: ПЕРСПЕКТИВЫ НОВОГО ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ*

О некоторых тенденциях в странах СНГ и Балтии

В сложных по этническому составу населения государствах бывшего СССР проблемы межэтнических взаимодействий и конфликтов всегда будут одними из наиболее трудных, причем не по причине изначальных антагонизмов между проживающими в общих государствах различными этническими общностями, а из-за неадекватного государствоустройства, плохого управления или намеренной мобилизации этнического фактора в политических, конфликтных целях. Наш анализ показывает, что в постсоветских странах сохраняется высокий уровень взаимодействия и сотрудничества представителей разных народов, а также интенсивные контакты и духовные связи бывших граждан исторического российского государства и СССР. Конечно, культурная дистанция и политико-идеологические расхождения между государствами бывшего СССР все более возрастают, а прямые человеческие отношения сокращаются по причине границ и верхушечной пропаганды отчуждения. Этому способствуют экономические трудности и политическая нестабильность в ряде стран, а также внешние воздействия в рамках геополитических соперничеств, когда огромные ресурсы вкладываются в недопущение какой-либо реинтеграции в рамках бывшего СССР, особенно если в этом процессе проявляется ведущая роль России. Наиболее примечательным в этом плане является трудный процесс государственного объединения России и Беларуси, когда на, казалось бы, безусловные преимущества такого объединения находятся контраргументы и силы противодействия.

---

* Работа написана в марте 2000 г. для ежегодного доклада Сети этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов за 1999 г.

В наши задачи не входит анализ политических и экономических процессов в постсоветских странах, но хотелось бы отметить, что особенно после прихода к руководству в России В.В. Путина произошли позитивные переоценки, в том числе и роли самого СНГ за годы существования Содружества и его будущих перспектив. Однако нас прежде всего интересуют социально-культурные тенденции и массовые установки людей, а также проблемы так называемых национальных меньшинств и новых диаспор. В этой сфере не произошло радикальных изменений. Все страны продолжают строить национальные государства от имени "титულных" этнических общностей и держать остальное население в статусе не членов нации или даже не граждан этих государств. Эта политика этнического исключения, даже если она официально в некоторых странах называется "политикой интеграции" (а фактически ассимиляции или непризнания особого группового статуса), стала основным внутренним вызовом существующих новых гражданско-политических сообществ. Эта же политика препятствует разрешению ранее случившихся насильственных конфликтов, хотя у этих конфликтов уже накопилась своя логика трудных противоречий и антагонизмов, поскольку это связано с гибелью людей, разрушениями и изгнанием населения из мест своего проживания.

Ни одно из новых государств за пределами России не смогло пока одержать верх на силами радикального этнического национализма, противопоставив ему формулы общественного устройства, которые обеспечивали бы гражданское равенство независимо от этнической принадлежности, а культурно отличительным общностям давали бы гарантии сохранения их культуры и справедливого участия во всех сферах общественной жизни. Ни одно из государств не пересмотрело в спешке принятые в начале 1990-х годов основные законы и другие положения в сторону признания хотя бы официального двуязычия, и русский язык остается "наказанным языком", хотя на нем продолжают говорить дома и на работе не только большинство политических лидеров новых стран, но и огромные массы населения.

Степень политической организованности и знания своих основополагающих прав среди постсоветского населения остается низкой, а его способности повлиять на изменение положения — ограниченными в силу или авторитарных режимов, или коллективной авторитарности так называемого титульного населения, интересы которого все еще часто представляют воинствующие радикалы. В самые последние годы мы наблюдаем новые формы ответного поведения "иноэтничного" населения в постсоветских государствах. Одна из них наметилась в Лат-

вии и Эстонии, когда часть так называемых русскоязычных вполне определенно взяла курс на изучение официальных языков и намерена интегрироваться в местные гражданские сообщества, включая обретения гражданства, несмотря на имеющиеся препятствия.

Будет ли это означать ассимиляцию русских, украинцев, белорусов, евреев и других с превращением их в латышей и эстонцев, сказать трудно. По крайней мере для нынешнего поколения скорее возможен вариант *неассимилированного двуязычия и сохранения собственной культурной идентичности наряду с гражданской лояльностью*. Ассимилировать такое большое число представителей таких больших культур, как, например, русская или украинская, латышам и эстонцам едва ли удастся, учитывая к тому же соседское существование основных массивов носителей этих культур в России и на Украине. А это означает, что рано или поздно нанесенные обиды и нынешние унижения могут стать причиной более радикальных действий и требований, включая открытые конфликты. Виной тому будут недальновидная политика и надменность тех, кто сегодня безраздельно правит в "своих" государствах, и тех, кто в стремлении быстрее дистанцировать страны Балтии от России закрывает глаза или просто нежно журит за нарушения прав больших групп населения. Только в страшном сне можно представить себе ситуацию, что по улицам Риги молодые латыши будут гулять в натовских формах, а большинство таких же молодых рижан по причине "русскоязычности" не будут даже иметь паспортов государства, где они родились и выросли. А если они и будут иметь такие паспорта, то захотят ли они служить в такой армии? Будущие конфликты нужно уметь видеть и избавляться от мышления и поведения бывших советских меньшинств, неустанно разоблачая "угрозы со стороны России".

Другая тенденция с новыми диаспорами наметилась в таких странах, как Казахстан, где русские, утратив представительство в органах власти и подвергаясь бытовым унижениям, избирают вариант исхода, ибо ассимилироваться в казахов они при всем желании не могут по причине больших культурных и расовых различий. Руководство страны вяло внедряет идею казахстанскости и общего государства всех граждан, вынуждая людей уезжать (особенно из южных областей) в Россию или в Германию. Страна все больше оказывается расколотой по этническому принципу и в географическом плане. Перенос столицы никак не помог, а только обнажил проблему. Если в северных промышленных городах случается забастовка русских казахстанцев, а ей противостоит пикет из одних милиционеров-казахов, рано или поздно открытый конфликт неизбежен.

Русское население севера Казахстана (как и северо-востока Эстонии) вполне может сформулировать политический проект внутренней автономии или даже сецессии, особенно если в России поправится экономическое положение и молодым призванникам не будет грозить служба на войне в Чечне. Об этой возможной ситуации также следует думать заранее, и исправлять положение необходимо как можно быстрее прежде всего в национальных (казахстанских, а не казахских!) интересах страны. Официальное двуязычие и элементы федерализма здесь смогут сыграть огромную позитивную роль, и никакой угрозы суверенитету Казахстана и казахской культуре они не несут.

Непростая ситуация складывается и на Украине. С одной стороны, в этом государстве имеется одна из наиболее компетентных правящих элит (если не считать общей беды — коррупции), которая в целом справляется с управлением сложной страны, имея в виду ее огромные этнические, религиозные и региональные различия и противоречия. С другой — антироссийский синдром и проблема русскоязычного Крыма направили почти всю энергию этнической политики и получаемые внешние ресурсы по линии миграционных организаций на проблему собирания крымских татар в Крыму. Последние и без того недостаточно устроены, и только недавно значительная их часть получила украинское гражданство, но уже выполняются проекты по стимулированию новых переселенцев из Узбекистана, где крымские татары достаточно неплохо интегрировались в течение уже нескольких послевоенных поколений. Фактически в Крыму закладывается этническая бомба тройного противостояния при новом внешнем игроке — Турции, и этого не могут не видеть ответственные политики.

Украинская гражданская нация может состояться (собственно говоря, она реально существует) только на основе украинско-русского культурно-языкового симбиоза, а не этнической "украинизации". Такова уж историческая ситуация, что украинцы в России ассимилируются в русскую, точнее в российскую русскоязычную культуру, а русские на Украине (так, кстати, происходит с носителями всех мировых языковых систем) не ассимилируются с украинцами, хотя более широкое распространение двуязычия среди русских в этой стране не только возможно, но и необходимо. Только с утопией насчет культурно-языковой паритетности между двумя странами ("сколько у вас детских садиков на украинском, столько и у нас на русском"?!) следует расстаться. Это — пустая трата интеллектуальных и других ресурсов обеих стран, что, однако, совсем не означает отказ в поддержке украинской культуры и украинской культурной автономии в России, начиная от Белгорода и кончая Дальним Востоком.

Если говорить о мерах улучшения государствоустройства Украины, то, видимо, это прежде всего отказ от категоризации русских как "национального меньшинства" (это же полезно сделать в Казахстане и Латвии) и переход к формуле равнообщинного государства. Опять же неизбежно официальное двуязычие и даже федерализация, чтобы сохранить единство страны и избежать будущих конфликтов.

В Закавказье (на южном Кавказе), если не касаться сложнейших ситуаций карабахского и абхазского конфликтов, складывается совсем странная ситуация. Верхи продолжают упорную линию на западную ориентацию, включая члена НАТО — Турцию. К их пользе состоялись важнейшие международные решения по нефтяным и военным проектам и на Стамбульском саммите в 2000 г. Но гуманитарно-культурная ситуация развивается в обратном направлении. Массовая трудовая миграция из всех трех стран в Россию (до трети самодельного населения) делает заработки мигрантов основным источником жизни значительной части населения этих стран, и таковым положение останется в будущем, ибо доходы от нефтяных проектов достанутся только малой верхушке этих обществ. Грузинское, армянское и азербайджанское культурное производство также в значительной мере осуществляется на территории России. Наметилась тенденция к восстановлению научных и других гуманитарных связей интеллигенции. Англоговорящие и работающие на западных грантах по антироссийской повестке интеллектуалы составляют ничтожное меньшинство, но и многие из них сегодня готовы к более широкому сотрудничеству, включая и Россию. *Возможно, наступил момент серьезных корректив в политике верхов, чтобы не углублять сложившийся в последнее десятилетие разрыв с Россией и не отказываться от полезных новых связей в более широком мире.* Здесь есть над чем потрудиться и в самой России по части демонтажа уже укоренившегося комплекса антикавказских фобий.

Основной внутренний вызов России

Основной внутренний вызов российскому государству заключается в вялом утверждении нового образа страны среди населения, в отсутствии в необходимой степени общеразделяемой гражданской идентичности россиян, чувства гражданской ответственности и патриотизма. В стране на уровне политиков, этнических активистов и экспертов до сих отвергается существование многоэтнической гражданской нации, несмотря на высокий уровень социально-культурной гомогенности населения страны и повседневно демонстрируемую российскость

рядовыми гражданами. Вместо этого сохраняется доктрина "многонационального народа России", а не "многонародной нации", что было бы гораздо точнее. Государство до сих пор не оформило свои правовые отношения с гражданами через систему паспортов по причине конфликта вокруг предшествовавшей практики фиксации государством этнической идентификации граждан (так называемой национальности). Новый президент должен завершить эту неприличную канитель, предусмотрев возможность исполнения текста паспорта на нескольких языках наряду с русским.

Авторам законов о гражданстве в отдельных республиках следует поумерить свой задор и подумать лучше об интересах российских граждан в республиках. В Татарстане вообще заготовлен законопроект о 10-летнем центре оседлости для приобретения республиканского гражданства. И это в рамках одного государства, когда в республику могут приезжать и уезжать специалисты разных национальностей — производители высококлассной и высокодоходной техники, а право на землю и на голосование будет записано прежде всего за сельским татаринном. Откровенно говоря, эта периферийная националистическая суета уже начинает надоедать уставшей стране, и следует хорошенько задуматься о более общих и земных интересах граждан, чем перевод языковой графики на латиницу, когда большинство татар говорит на русском языке.

В этой связи важнейшим направлением государственностроительства на ближайшее десятилетие представляется утверждение доктрины России как *национального государства* с многоэтническим составом населения и гражданской общностью россиян. Это единственно возможная доктрина государственностроительства, которой следуют все страны мира от Англии и Испании до Индии и Китая. Вернее, ей следуют все страны Организации Объединенных Наций, из которых, пожалуй, только Россия представляет собой саморазрушительное исключение. Несостоятельная доктрина сути самого государства как некой не до конца самоопределившейся общности активно используется против России во внешних соперничествах.

Конституционно-правовая основа и административное устройство

Конституционно-правовая основа новой России и устройство власти подверглись радикальным изменениям и продолжают находиться в процессе становления. Хотя административно-государственное устройство и его идеология были заимствованы от РСФСР, в России впервые утверждается наиболее оптимальный для крупного и со сложным со-

ставом населения государства принцип — федеративное устройство с наличием этнотерриториальных автономных образований в рамках федерации. Это есть одна из форм внутреннего самоопределения населения части регионов страны, где сосредоточены основные культурно отличительные группы населения.

Федерализм в его гибких и несимметричных формах должен сохраняться и может послужить укреплению государственности в ближайшее десятилетие при выполнении ряда условий доктринального, правового и политического характера. Среди этих условий такие, как коррекция местных конституционных и других правовых текстов в пользу общегражданского равноправия, отход от этнического национализма и признание федеральной властной вертикали. В свою очередь, предстоящее десятилетие должно быть использовано для реформы федеральных органов власти и коррекции федеральной конституции, которая вобрала бы в себя возможный общий минимум из практики договоров с субъектами федерации при одновременной элиминации самих этих договоров.

Принципиальным вопросом конституционных основ федерализма применительно к центральной власти является характер высшей палаты парламента. Наличие параллельного губернаторскому корпусу выборного корпуса представителей субъектов федерации представляется осуществимой задачей, которая укрепляет общую систему и взаимозависимость федеративного устройства страны. Как осуществить эту сложную процедуру, не ослабляя высшую власть и не удорожая ее дополнительным отрядом высших управленцев, может быть предложено экспертами и самими политиками.

Самостоятельный вопрос — это административное устройство. Если федеративный принцип является оптимальным и требует только коррекции и развития, то само деление страны на субъекты федерации отражает частично историческую традицию, частично хронику партийных решений в связи с осуществлением хозяйственных или идеологических проектов или результат лоббирования старых и новых лидеров (пример первого Липецкая область, второго — Еврейская автономная область, третьего — Санкт-Петербург). Часть административной структуры досталась от советских времен "национального строительства", а именно, автономные округа для народов Севера и Сибири, которые в период хаотического переустройства и кризиса центральной власти в начале 1990-х годов обрели статус равноправных субъектов федерации, одновременно утратив свою подлинную суть как форма представительства коренных малочисленных народов. Последние выборы в Государственную думу еще больше сузили представительство не

только коренных народов, но даже местного населения в целом по причине делегирования столичных политиков.

В ближайшее десятилетие необходимо провести административную реформу в направлении оптимизации управления страной за счет сокращения числа субъектов и других мер, но осуществить ее будет крайне сложно по причине существования мощных местных бюрократий с огромными личными и групповыми интересами. При низком уровне гражданского сознания и слабой подконтрольности бюрократии налогоплательщикам власти субъектов могут мобилизовать ложные формы местного патриотизма и солидарности и не позволить упразднение или реконфигурацию субъектов федерации. Однако реформа возможна через демократические процедуры, удовлетворение частных и групповых интересов, и к общей пользе государство будет иметь эффективное и не столь мозаичное управление страной. В любом случае в отношении малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока необходимо поменять принцип "национальных автономных округов" на создание и поддержку самоуправляемых местных общин, ведущих традиционное хозяйство аборигенов, с предоставлением особых прав пользования ресурсами и особой государственной поддержкой (опыт других северных стран). Все остальная деятельность на территории округов ничем не отличается от общих правил и должна составлять часть соответствующих, более крупных образований (краев и областей).

Имеет значение вопрос о границах и о возможных реконфигурациях российских республик, особенно на Северном Кавказе, который лоббируется этническими активистами и некоторыми экспертами. Устройство республик (оформление в 1991 – 1992 гг. статусов новых республик из автономных областей с меньшинством "титульного" населения уже назад не вернуть) на сегодняшний день оптимальное, и резких изменений, кроме корректировки их конституционных и других правовых текстов, быть не должно. *Главная задача нового десятилетия – улучшение системы и качества правления, а не изменение границ и статусов.* Здесь ключевой вопрос заключается в обеспечении равного доступа к ресурсам и к власти представителей всех групп населения и мерах по приостановлению оттока русского населения из республик. Вопрос об особом статусе или режиме управления может стоять только для Чеченской республики.

Этнокультурный фактор, национализм и сепаратизм

Общее состояние этнических культур в России достаточно благоприятное, а климат межэтнических отношений на уровне населения характеризуется толерантностью, несмотря на рас-

кол элит по этническому принципу и рост настроений ксенофобии и некоторых экстремистских идеологий и деятельности. В России сохраняются языки и другое культурное своеобразие представителей около ста этнических общностей и в то же время имеется высокий уровень интегрированности в доминирующую российскую культуру на основе русского языка. Положительным явлением стало развитие экстерриториальных национально-культурных автономий (после принятия соответствующего закона 1996 г.) как одной из форм внутреннего самоопределения народов. Эта деятельность должна развиваться при некоторой поддержке государства, но в основном за счет ресурсов самих этнических общин и их самоорганизации. Закон 1996 г. требует некоторой коррекции именно в эту сторону и в сторону деюрократизации системы национально-культурных автономий (убрать деление автономий на федеральный, региональный и местный уровни, допустить множественность образований от имени одной этнической общности, осторожнее выразиться о господдержке).

В перспективе главными представляются усилия по поддержке культурного многообразия населения страны при должном уровне интеграции в общероссийскую социально-культурную общность на основе русского языка. Развитие двуязычия и многокультурности — наиболее оптимальная стратегия для нерусского населения страны и для части русских, проживающих в этнотерриториальных автономиях. Это культурное многообразие будет увеличиваться за счет иммиграции в Россию представителей нерусских народов из других стран бывшего СССР и за счет более высокой рождаемости среди части нерусского населения страны (Северный Кавказ, выходцы из стран Средней Азии и Закавказья). Одновременно будет уменьшаться доля русского и некоторых других народов страны. Демографически эти процессы регулируются очень трудно, и едва ли эту тенденцию можно и нужно менять (до 1991 г. в российской истории этнические русские никогда не составляли более 51% населения страны), ибо к прочности государства и к его благополучию это не имеет прямого отношения.

Оптимальная стратегия — избегать резких перемен в привычных пропорциях населения на уровне местных сообществ и крупных мегаполисов, а также пространственной этнической сегрегации (этнических кварталов), осуществлять политику культурной и социально-политической интеграции населения, снижать значимость этнической принадлежности граждан, признать реальность существования множественной идентичности ("многонациональности" на уровне личности), отказаться от государственного вмешательства в вопросы этнической идентификации. Перепись населения должна прово-

даться по более современным критериям, с фиксацией сложной этнической принадлежности.

В России сохраняется старое советское отношение к так называемому национальному вопросу, суть которого в жесткой государственной институализации этничности граждан и придании неоправданной значимости этническим общностям как неким базовым социальным группировкам ("народам" или "этносам"), из суммы которых состоит российская гражданская и социально-культурная общность. На этой базе формируется периферийный национализм (национализм нерусских народов), который обретает крайние формы, вплоть до вооруженного сепаратизма. Именно этот фактор составляет одну из наиболее серьезных угроз национальной безопасности России. Главными инициаторами этого национализма является многочисленная, особенно гуманитарная, интеллигенция нерусских народов. Радикальный национализм меньшинств поддерживается некоторыми представителями российской радикальной демократии как ложно понимаемая форма правозащитной политики. "Этнические предприниматели" из числа местных активистов осуществляют успешную массовую мобилизацию и способны создавать экстремистские группировки, особенно если добавляются лозунги политического ислама или другие экстремистские идеологии. Эта форма национализма получает внешнюю поддержку и симпатии.

Задача государства и общества — окончательно развенчать миф "национальных движений" и "национальных возрождений", который содержит в себе конфликтную мифологию и на самом деле представляет собой способ мобилизации этнического фактора в ситуации борьбы за власть и приватизируемые ресурсы. Особые меры необходимы в отношении гуманитарной интеллигенции республик и части нерусской интеллигенции в Центре, которые выступают главными "разоблачителями имперской политики" собственного государства на территории собственной страны. Одна из таких срочных мер — переориентация подготовки нерусской молодежи в сторону более полезных для общества и его модернизации профессий (меньше филологов, историков, археологов, этнографов и философов и больше менеджеров, социальных работников, психологов, юристов, управленцев и прочих).

Другое важнейшее направление — это инкорпорация нерусских элит в Центре и придание центру государства (от власти до СМИ) многокультурного облика, чтобы уменьшить степень отчужденности этнической периферии от остального государства и основного населения страны. Здесь огромное поле деятельности, начиная от текстов учебников вплоть до визуальных телеобразов и языков вещания.

В сфере межэтнических отношений особым вопросом является рост русского национализма и в целом ксенофобии среди населения, особенно в отношении выходцев с Кавказа и из Средней Азии. Доктринально неверные установки о некоей "государствообразующей нации", а также дебаты о "русскости" (вымирание, уникальность, величие и прочие) способствуют эмоциональной и политической солидарности некоторой части населения, которое считает себя русскими, но радикально раскалывает страну по основному этнокультурному разделу. Это блокирует развитие общероссийского (гражданского) патриотизма и консолидацию населения во имя задач социального преуспевания и демократического обустройства страны. Как ханьцы — основной народ Китая уступают приоритет в пользу многоэтничной китайской нации, кастильцы — в пользу многоэтничной испанской нации, англичане — в пользу британской нации, так и *этнические русские должны будут (это фактически и существует на уровне обычного сознания) отдавать предпочтение российской общности и российскому патриотизму, в котором русский язык и русская культура и без того имеют доминирующий статус*. Именно так обстояло дело в дореволюционной России, когда понятие "великоросс" не имело узкоэтнического смысла, а к *русским* относились все, кто принял православие. Эта важнейшая доктринальная переоценка в пользу российской общности явно затянулась и даже переживает рецидивы движения вспять по части проектов русской нации, но она должна быть срочно осуществлена, пока не сформировалось поколение населения на основе формулы "многих наций", отторгающих российскость как высшую коллективную ценность.

Оценка обществоведческой экспертизы

От оценок реального состояния дел в стране, как и от более общего вопроса образа страны в мире, зависит исключительно многое, в том числе и само положение дел, крепость государства и авторитет власти. В стране имеет место провал обществоведческой экспертизы в отношении содержания и результатов российских трансформаций. Это произошло по причине недостаточного профессионального уровня постсоветского обществознания, деформации его дисциплинарной и организационной структуры, засилья среди ученых бывших служителей пропагандистско-идеологического корпуса, который продолжает во многом задавать тон вместе с новой когортой попавших в разряд "ученых" действующих политиков и администраторов. В стране нет нормального процесса выработки и принятия решений на основе экспертной прора-

ботки. Каждая новая команда в политике разрушает наработки и отрицает результаты деятельности предыдущих, не говоря об оппозиционных силах.

В итоге мы имеем катастрофическое положение с негативной оценкой реальной ситуации, которая на самом деле достаточно иная. Более внимательный анализ итогов российских трансформаций показывает огромные позитивные перемены, которые не осознаются, замалчиваются или сознательно искажаются. Эти более объективные оценки необходимо срочно использовать в общественно-политических целях, в том числе и для внешнего мира. Российское правительство нуждается в мировой и всесторонней пиаркампании по исправлению собственного образа и образа страны. В современном мире без этого не обойтись.

Необходимы меры по радикальному улучшению обществоведческой экспертизы и экспертного обеспечения государственных органов. Шаманистский стиль экспертов, окружавших некогда Совет безопасности, построенный на разоблачении разных заговоров, нанес огромный вред. Не меньший вред наносит нечуткое отношение экспертного сообщества к внешним и внутренним разработкам, которые имеют явную политико-идеологическую заангажированность, продиктованную спонсорами. Определенный вред наносит деятельность части отечественных специалистов-гуманитариев, выехавших за рубеж, где они занимают наиболее резкие позиции в оценке политики собственной страны и положения дел.

Нужны срочные заказы на исследования, которые имели бы современную теоретическую базу, дисциплинарный профессионализм и практическую ориентацию. Следует заменить стиль анонимных докладных записок ответственными независимыми экспертизами, которые дополняли бы друг друга, а не занимались взаимоуничтожением. Важно вырабатывать политическую и управленческую культуру использования экспертизы в государственном управлении.

ЭТНИЧЕСКИЙ ФЕДЕРАЛИЗМ: РОССИЙСКИЙ И МЕЖДУНАРОДНЫЙ ОПЫТ

Политический смысл дебатов о федерализме

Сегодняшние дебаты по поводу федерализма выявили прежде всего неоднозначное и противоречивое понимание природы самой субстанции. Под словом *федерализм* обсуждаются и конституируются разные процессы и явления: система устройства государства и управления; межгосударственные связи и различные формы интеграции на континентальном (прежде всего европейском) уровне; формы организации и новая институализация культурно отличительных сообществ и некоторые другие процессы. Для исследователя-обществоведа может даже представляться, что *современный федерализм — это процесс и средство перераспределения власти и ресурсов на государственном и межгосударственном уровнях, улаживания противоречий и соблюдения интересов, обусловленных региональной и культурной спецификой*. Другими словами, *федерализм — это прежде всего дебаты и переговоры, а уже потом текст и воплощенные на его основе действия*.

Ситуация в России не является исключением и, наоборот, во многом подтверждает наш тезис. Разговоры по поводу федерализма имеют огромное политическое и символическое значение, возможно, большее, чем сама политическая практика, которая рутинна или же существует безотносительно от дебатов о федерализме. Но как раз она и нуждается чаще всего в добротной экспертизе. Что мы чаще всего имеем на уровне экспертных дебатов? Это может быть обсуждение типов региональных политических режимов или разработка демонтажа асимметричной федерации и переход к симметричной, подразумевающей наличие в ее составе только административно-территориальных единиц без этногосударственных субъектов. Еще большее возбуждение (особенно если закрыть глаза или отвернуться от карты страны) вызывает такая "проблема федерализма", как "досамоопределение" России в пользу "государствообразующего" русского народа через образование рус-

ской республики, выдвинутое в свое время Р. Абдулатиповым со своими соавторами в книге “Федерализм в истории России” и до сих пор обсуждаемое с разных позиций при всей абсурдности самой постановки данного вопроса.

Другое дело — попытаться проанализировать то, что я называю жесткой реальностью, и соотнести эти наблюдения с анализом того, что обсуждают. Т.е. важно не только обсуждение проблем российского федерализма, но и определить, в чем смысл, каковы формы и участники самих этих дебатов, не говоря уже об их воздействии на жесткую реальность. Эта дискурсивная практика российского федерализма не менее интересна и не менее важна для понимания сути проблем. В какой-то мере этот подход определен не только теоретико-методологическими позициями автора. Он был навеян и моими давними исследованиями в области канадоведения 1970 — 1980-х годов. Мне хорошо запомнилась встреча в 1973 г. в канадском парламенте с сенатором Юджином Форси — одним из классиков канадского конституционализма, который сказал: “Канадский федерализм — это прежде всего дебаты, так что, если Вы решили изучать образование канадской федерации, Вам придется иметь дело больше всего со словами”. Юджин Форси оказался прав не только применительно к XIX в., которым я тогда занимался, но и в отношении современной ситуации.

Представляется, что в России этого тонкого различия между *практикой* в ее философском понимании и дебатами по ее поводу не делается, а последним вообще не придается самостоятельного значения, ибо российское обществоведение хорошо усвоило ленинскую “теорию отражения” и глубоко верит в миссию познания объективной реальности. На самом же деле есть ощущение, что российская дилемма “федерализма власти и власти федерализма” как в предшествовавшие годы, так и в новых условиях президентства В.В. Путина во многом обрела роль гигантского магнита, который притянул массу очень разных и специфических вопросов, неразрешимых на уровне глобального унитарного решения.

Сегодня в рамках проблемы федерализма оказалось обсуждение вопросов конституции и права, государственно-административного устройства, бюджетных распределений, властного представительства, этнокультурного самоопределения и политики в отношении меньшинств, местного самоуправления, миграции, геополитических соперничеств и так далее. В такой явно перегруженной смысловой ситуации федерализм начинает казаться или источником всех зол в России, или спасительной панацеей от множества проблем обустройства страны и ее развития. В данной работе речь пойдет о том, как и почему в России сложился и действует ассиметричный федерализм,

обусловленный многоэтничным составом населения государства и политическим этнонационализмом, и каковы проблемы и перспективы этнического федерализма, в том числе в контексте международного опыта федеративных государств.

Тезис "неофеодализации" противников этнического федерализма

Один из известных российских специалистов по федерализму С. Валентей в статье "Три вызова России" в журнале "Федерализм" определяет как "псевдофедералистский" вариант отношений центр — республики, при котором "в течение всего нескольких лет была сформирована экономическая база **феодализации** общественных отношений... Эта псевдофедералистская практика была реализована в рамках пресловутого двустороннего договорного процесса", на местах она зиждется на "этноклановых режимах". Разберемся сначала с ситуацией псевдофедерализма и клановости.

Если говорить о положении дел в областях и краях, то ими правит сложная по этническому составу политическая элита, причем эта сложность в последние годы увеличилась. Едва ли в советские времена первыми лицами на уровне областей и краев было столько представителей нерусских народов, как это сейчас имеет место, но нет никаких данных, что Э. Россель раздает всю собственность российским немцам, А. Тулеев — казахам, Б. Абрамович — евреям, а десяток губернаторов с украинскими фамилиями — украинцам, а с русскими — русским. Да и с кланами не очень получается, ибо даже протекция ближайшим родственникам довольно затруднительна и становится предметом скандалов и, как минимум, общественного осуждения. Таким образом, даже этнический состав первых лиц нельзя характеризовать как принадлежащий к определенной этнической общности, а тем более к клану, не говоря в целом о высших слоях управленцев в "территориальных" субъектах. При всем моем критическом отношении к уровню компетенции российских управленцев и внимательном отслеживании этнического фактора в политике должен сделать вывод, что как *федеральная, так и региональная политическая элита не только многоэтнична по своему составу, но и представляет собой достаточно качественный человеческий материал*. "Гениев", может быть, и немного, но и сказать, что "своим глупцам открыты все двери" (слова С. Валентея), нельзя.

В какой мере власть по этническому или клановому принципу еще и дополняется доступом к собственности, — также вопрос далеко не такой простой, и ответ на него в форме поверхностных заявлений ничего не дает, кроме как элемент по-

литического раздражения. Отношения между властью и правом собственности и распоряжения доходами гораздо более сложны, иначе не было бы всех основных общественных коллизий: политического соперничества, рывка оргпреступности во власть, не только слияния, но и изоляции бизнеса от власти. *В стране на региональном уровне даже больше было сделано успешных бизнес-проектов и личных состояний без участия власти, а именно за счет талантов, энергии и гражданской состоятельности.* Скорее, на уровне федеральном власть и приватизация были связаны более жестко. На этом уровне все делалось масштабнее, решительнее, бесстрашнее и изощреннее, ибо правила устанавливались здесь, а значит, здесь же рождалось и понимание, как их можно обойти. Но в любом случае тезис "феодализации" собственности и доходов требует более осторожного обращения.

Еще меньше подходит тезис этнокланового неофеодализма для автономных округов, где делами заправляют прижившиеся приезжие, а иногда и уроженцы данных мест, но только не те, от имени которых, казалось бы, и были созданы данные этно-территориальные автономии в рамках федерации. Если и можно говорить о некоторых этнических параметрах властного и бизнес-слоя в автономных округах, то нужно назвать традиционное русско-украинско-азербайджанское преобладание в элите регионов с горно- и нефте-газодобывающей промышленностью и соответствующими отраслевыми управлениями (своего рода советские "кланы" на основе неформальных сетей выпускников профильных вузов и по деловым связям с крупнейшими заводами-потребителями). В последнее время в "неофеодализацию" собственности и доходов вмешались молодые новые крупные собственники из столицы и из-за рубежа, а также их молодые менеджеры. Часть их прибрала к рукам и власть (а не наоборот!), как это произошло на Таймыре и на Чукотке. Этнические моменты здесь прослеживаются крайне слабо.

Что касается места автономных округов в реформируемой федерации, то здесь мы продолжаем придерживаться мысли, что, если внешне престижная (с территорию в несколько Франций!) территориальная форма самоопределения превращается в камуфляж на открывшемся рынке природных ресурсов и на рынке демократических процедур властвования, тогда *есть смысл обменять автономные округа на действительно самоуправляемые специально выделенные резервные территории заповедного характера с преимущественным проживанием представителей малочисленных народов и с включением территорий их хозяйственного жизнеобеспечения.*

По сути дела тезис "феодализации общественных отношений" оказывается ограниченным 21 республикой и критика

многих авторов фактически направлена против этого сегмента российского федерализма. Мы уже писали по поводу неоднозначной оценки советского наследия этнотерриториальных автономий и поспешных решений начала 1990-х годов о создании ряда новых республик с титульным этническим меньшинством и со статусом федерального образования — государства. Ошибкой, на наш взгляд, был и вывод автономных округов из состава краев и областей. Однако мы никогда не вставали на позицию демонтажа этнотерриториальных автономий.

К оценке "жесткой реальности" республик

Так есть ли в республиках явления если не феодализации, то хотя бы этнократического правления и предпочтительности представителей титульных этногрупп в вопросах доступа к ресурсам и получения прибыли и других дивидендов, например, от приватизации? Да, действительно, есть, причем зачастую в нетерпимых формах, требующих скорейшего устранения. Но, во-первых, чтобы не пугать всю страну, в том числе руководство и общественность всех республик, следует сказать, что мы имеем разные этнополитические и экономические ситуации, а также разные стили руководства в российских республиках. А отсюда возможен и неодинаковый подход к проблеме, в том числе в вопросах реформирования отношений с федеральной властью.

В ряде республик (Алтай, Бурятия, Карелия, Коми, Мари-Эл, Мордовия, Удмуртия, Хакассия) в силу разных причин (исторических, демографических, социальных, этнокультурных и даже религиозных) представители титульной национальности никак не могут быть отнесены к разряду правящих, независимо они составляют явное меньшинство, как в Карелии, Коми и Удмуртии, или самую большую из этнических групп и даже большинство населения, как, например, в Бурятии, Мордовии или Хакассии. Руководство этих республик, а также состав правящих структур, в том числе и выборных, не носят моноэтнического характера и не построены по принципу этнической избирательности. В Бурятии вполне успешно справляется с обязанностями президента политик русского этнического происхождения, несмотря на попытки радикальных националистов "исправить несправедливость".

Кроме этого, в силу более высокой доли сельского населения среди титульных групп в ряде республик имеет место недостаточное представительство последних, как, например, в Удмуртии или в Республике Алтай. Поэтому не стоит слишком обобщать положение и зачислять в заповедники этнической и клановой "феодализации" субъекты федерации, где этого нет и

в помине. О чем есть смысл говорить и где действительно федерализм обрел некоторые черты "этноклановых режимов", так это группа республик региона Северного Кавказа, Башкирия и отчасти Калмыкия, Татарстан, Тува, Чувашия, Якутия. Я согласен во многом с жестким анализом политической логики и факторов, которые привели к данной ситуации в последнее десятилетие, сделанным в том же номере журнала "Федерализм" в статье Василия Филиппова. Автор справедливо называет среди причин сложившейся ситуации не только роль местных этнонационализмов, созданные в стране конституционно-правовые возможности для узкоэтнических форм самоопределения, но и роль политики бывшего президента Б.Н. Ельцина, проводившего курс умиротворения этнической периферии через сиюминутные политические решения и личные отношения с республиканскими лидерами, закрывая глаза на тревожные тенденции.

Но опять же даже эта группа республик, причиняющая головную боль федеральному Центру и вызывающая озабоченность многих политиков страны, не говоря уже о бытовых настроениях многих граждан, не может рассматриваться как единый в политическом и социальном смыслах этноландшафт. Есть разные динамики ситуации, есть разные политические стили и есть разные проблемы, которые не укладываются в формулы "тотально коррумпированной этнократии". Естественно, по-разному выглядит и сфера распределения собственности и доходов. Опять же не везде иноэтничные "гении" — это изгой, а "свои" дураки в почете и при деньгах.

В Чувашии русско-чувашский этнокультурный симбиоз настолько велик, а высшее руководство явно компетентно и достаточно демократично, что было бы неверно проводить анализ ситуации по этноразделительным линиям. Сначала лучше разобраться, кто "чуваш", а кто "русский" в Чувашии, а еще лучше не устраивать подобных разбирательств ради сохранения общегражданского мира и общечувашской гражданской лояльности населения республики, не говоря уж об абсурдности искать сепаратистские элементы в чувашском политическом спектре. Если бы ситуация была схожей в других республиках, никаких особых проблем с укреплением государственности и реформированием федеративного устройства вообще могло бы и не быть. Данных по положению с распределением собственности по этнической предпочтительности или по "клановому" принципу по этой республике у нас также нет.

Если взять Калмыкию, Туву и Якутию, то нужно учесть, что титульные группы забрали здесь власть, ибо их представители уже до этого безоговорочно доминировали в культурно-образовательной и информационной сферах, откуда и рекрутиро-

валась новая политическая элита. Мощной хозяйственно-промышленной элиты в первых двух республиках не было, и ее нет и сейчас. Почему в Якутии добыватели алмазов и золота не побеспокоились о властном представительстве, это — другой вопрос. Но сказать, что не только власть, но вслед за ней и собственность попали в руки якутов, было бы неверно. Там ниши власти и ниши бизнеса по этническому составу их обитателей не совпадают, если не считать личное состояние самого президента и еще немногих якутов-управленцев. Русские, украинцы, евреи, армяне, ингуши не менее успешно занимаются бизнесом в этой республике и контролируют порой целые хозяйственные сектора (например, армяне строительство).

В Туве и Калмыкии наживать богатства пока еще не научились, а состояние президента Илюмжинова было изначально сделано в Москве. Кстати, политический стиль последнего заслуживает большего внимания за свою экстравагантную и вполне искреннюю космополитичность. Откровенный националист там может "выскочить" наверх только в какой-то особой ситуации, если Илюмжинова возненавидит не только партия "Яблоко", но и кремлевская администрация вместе с местным населением, уставшим от ожиданий появления чуда "республики-корпорации". В Калмыкии и Туве есть нужда во многом по части эффективного управления, но меньше всего я бы ее связывал с дилеммой: или суверенная республика или административная территория в рамках федерации.

Что касается Якутии, то при посещении республики в 1995 г. у меня появилось желание увидеть хотя бы одну из республик, где население так явно нуждается при наличии несметных природных богатств и потенциально может осуществить прорыв в деле улучшения социального обустройства своего небольшого населения. Но пока, к сожалению, этого не произошло. Ведь живут же намного лучше жители нефтегазовых провинций Альберта и Саскачеван по сравнению с жителями трех Приморских провинций Канады? Подобного в России нет, и новая реформа российского федерализма этого явно не предусматривает. При уже остывшем якутском национализме эта огромная часть территории страны нуждается во всем, но только не в укрупнении и дополнительном подчинении по вертикали.

Совершенно особая ситуация сложилась в Татарстане. Эта республика была и остается лидером этнонациональной формулы государственности, а ее правящая элита является наиболее просвещенной и наиболее компетентной, в том числе и по вопросам современного федерализма. В начале 1990-х годов республика была инициатором достаточно опасного общегосударственного кризиса в рамках образовавшейся Российской Федерации после распада СССР. Татарский национализм в его

жесткой политической форме вынудил федеральные власти пойти по пути договоров, параллельно и наряду с выработкой новых конституционных начал федерации. Мне представляется, что степень балансирования на грани открытого конфликта была в тот период неоправданно высокой, и к стати от подобной кризисной ситуации нет серьезной гарантии и на будущее, по крайней мере пока не будет изменена формула "ассоциированного с Российской Федерацией" статуса, закрепленного в Конституции Республики Татарстан.

Все эти годы ситуацию спасали преобладающий настрой на переговоры федеральных и республиканских властей, ответственное правление президента Шаймиева, позитивная эволюция татарстанской элиты в сторону от радикального национализма, снижение роли радикально настроенных татарских активистов и некоторые другие факторы. Но именно в Татарстане этнический принцип организации федеративного устройства проявил свои сложности и ограничители, вызывая негативное отношение и энтузиазм тех, кто хотел бы радикально переделать российский федерализм. Речь идет прежде всего о том, что в двухобщинном (татарско-русском) сообществе одно из них — местные русские фактически утрачивают позиции во власти, в культурно-информационном пространстве и в частнопредпринимательском бизнесе. Русское присутствие в республике остается сильным, но не в меньшей мере за счет русскоязычных татар и центрального информационного воздействия. За русскими татарстанцами сохраняются сильные позиции в сфере крупного хозяйствования федерального подчинения (оборонная промышленность, автомобилестроение и другие), а также в некоторых других сферах — естественные науки, вузовские структуры, средний управленческий персонал.

В Татарстане есть явные диспропорции, сложившиеся в условиях постсоветского федерализма. Но главное — провести различие, где имеет место справедливое исправление бывших советских диспропорций не в пользу татар (не следует забывать факт единственной татарской школы в Казани всего лишь 15 лет тому назад!), а где "исправление несправедливостей" привело к новым несправедливостям в утопическом увлечении примирить прошлое. Но опять же мы считаем, что именно Татарстан обладает самыми большими возможностями скорректировать этнический федерализм и не допустить его дискредитации, а тем более попытки упразднения как некой аномалии советского наследия.

Особого анализа заслуживает ситуация в Башкирии, которая не похожа на другие российские республики. Республику чаще всего приводят в качестве примера этнократического правления, ибо этническое башкирское меньшинство контро-

лирует власть, потеснив две другие более многочисленные группы населения — русских и татар. Кроме этого, местная конституция и некоторые законы содержат дискриминационные меры по принципу этнической принадлежности. Нельзя обойти молчанием и существующий жесткий режим политико-идеологического контроля со стороны республиканских органов власти, прежде всего в отношении средств массовой информации, кадровых назначений и избирательных процедур.

Но опять же, причем здесь дебаты "быть или не быть" Республике Башкортостан? Эта автономия существует многие десятилетия, и сам факт ее существования сыграл огромную роль в сохранении культуры и групповой целостности башкир как этнической общности (аналогичную роль сыграли территориальные автономии и в жизни других нерусских народов страны).

При всей неприемлемости крайних форм башкирского национализма следует отдать должное нынешнему руководству республики, что оно не менее, а может быть, более успешно, чем во многих других субъектах федерации, справляется с основной функцией государственной власти — обеспечение гражданского порядка и неплохих социальных условий существования населения. Не отказывается руководство и от переговорных процедур с федеральным центром. Т.е. "проблема федерализма" применительно к Башкирии означает улучшение существующего правления, а не радикальные трансформации статуса и конституционных основ. Опять же, федерализм — это процесс, столкновение позиций и аргументов, поиск компромиссов и меньше всего — правовое, а тем более силовое принуждение. Придет время, и русско-татарские избиратели переголосуют башкирское меньшинство и выберут не менее достойного президента необязательно из числа этнических башкир, чем покажут полезный пример и для других республик.

Этнический федерализм в мировом контексте

Изучая в последние годы многоэтничные сообщества, трудно сказать, чтобы наши настроения и выводы пронизывал однозначный оптимизм. Прежде всего потому, что уже слишком много крови и разрушений принесли конфликтующая этничность или этнически окрашенные конфликты. В России такими зонами открытых конфликтов стали сначала Северная Осетия, затем Чечня, высокая степень напряженности имела место в Дагестане и Карачаево-Черкессии. В то же самое время культурно отличающиеся люди живут вместе, сотрудничают, ведут богатый и взаимообогащающий диалог и строят жизнеспособные государственные образования.

Именно это последнее является ключевым моментом глобальной эволюции, потому что государства были и останутся самыми мощными формами человеческих коллективов. А поэтому все, что идет на пользу сильных (в смысле жизнеспособных и эффективных) государств, внушает и сильные надежды на будущее. "Сильные государства — сильные надежды" — именно так назывался доклад по итогам одного из семинаров знаменитого Аспеновского института (США), хотя именно американцы чаще всего выступают инициаторами дебатов по поводу квазигосударств, распадающихся государств, а также по поводу надгосударственности или мирового правления.

Действительно, с государствами дела обстоят далеко не всегда идеально. Государства склонны к соперничеству друг с другом: напрямую или через коалиции, или через третьих акторов (другие государства, медийные империи, экспертные сообщества, промышленно-финансовые круги, международные организации). Эти третьи акторы часто выступают не как пассивные исполнители, но имеют и собственные позиции, интересы и соперничества. Можно привести пример этнографических наблюдений над западными коллегами, которые участвуют в семинарах и встречах, организуемых в Казани Рафаэлем Хакимовым. Я не помню случая, чтобы хотя бы по одному из вопросов кто-то из западных коллег занял комплиментарную позицию в отношении Москвы и критическую в отношении Казани. После семинара 1999 г. в Казани наша дискуссия с французской Мари Мендрас и американкой Гейл Липидус продолжалась даже в поезде на Москву, когда две мои уважаемые коллеги однозначно защищали введение 10-летнего ценза оседлости для получения татарстанского гражданства, не говоря уже о самом факте отдельного гражданства для этнотерриториальной автономии.

Будучи уверен, что далеко не все татарстанские эксперты и политики являются корифеями в вопросах этничности и государственности и далеко не все московские взгляды, позиции и решения несостоятельны или ошибочны, я могу сделать только один вывод: инерция больших противоборств и хантингтоновский зуд по поводу того, что в истории обязательно за одной большой схваткой должна следовать другая, прекрасно выжила даже в таких катаклизмах, как крушение берлинской стены и распад СССР. На роль передовых воинов новых противоборств мобилизуются разные силы, в том числе и "гордые дикари", которых сделали из чеченцев, или сторонники любых радикальных политических проектов, которые подвергают сомнению статус-кво и даже систему в целом.

Суть проблемы

Проблема как управлять этнически сложным обществом, в том числе и прежде всего как его конституционно построить, является одной из наиболее сложных в мировом общественном сознании. Политический, в том числе и конституционный, дизайн является ключевым вопросом, ибо, как заметил один из ведущих экспертов по федерализму, "конституции не образуют и не разрушают федерации": они есть отражение существующих институциональных и социально-культурных проблем данного политического сообщества.

Что есть федерализм как институциональная организация? Федерализм можно трактовать как особую структурную форму государства, которая отражается в более или менее четкой правовой концепции, суть которой проста — федеральное правление (правительство) как доминирующий институт образует территориальный федерализм. Но федерализм можно трактовать и как форму политической организации, которая объединяет отдельные политии (государственные образования) в рамках более широкой системы. Как бы ни различались две концепции, они обе содержат отсылку на наличие конституционно установленного баланса властей между самостоятельным и разделенным правлением, заложенным в самой федеральной системе. Именно этот баланс властей делает федерализм институциональной опорой вертикального разделения власти с целью обеспечения совместного контроля между разными уровнями правления и политической системой в целом.

Поскольку *федерализм — средство против большинства*, то в терминах федеральной политики это требует организации договоренностей и партнерство как социально политическую подпорку нецентрализованного (не путать децентрализованного!) государства. Что такое этнический федерализм? Это далеко не вся федеральная система, действующая в многоэтнических обществах, а только те институты и договоренности, которые замещают чисто территориально обусловленные элементы федерализма с целью управлять многоэтническим разнообразием данной территории или государства в целом.

То, что соединяет вместе федерализм и многоэтничность, — это не просто факт, что федерализм с момента его появления часто был связан с межэтническими и межобщинными напряженностями и выступал в качестве регулятора конфликта. Как федерализм, так и многокультурность (или многоэтничность) по своей исходной сути ставят под вопрос универсальную претензию современного государства, построенного

на идее и принципе единства и унификации, которые являются постоянными вызовами либертарианскому пониманию демократии, мажоритарной по самой своей изначальной сути. *Если либерализм унитарен, то федерализм – это амальгама доктрин, убеждений и программных подходов, отражающих парадоксы, неопределенности и напряженности современной политики.*

Современное государство возникло как универсалия над партикулярностью, ибо государство есть территориально очерченная полития. Универсальность и партикулярность примиряются через принцип гражданства. Но вместе с тем это примирение может действовать только при исходном условии, что существует определенная гомогенность граждан, которые разделяют основополагающий демократический консенсус. Основа личностной идентификации с гражданско-политической (национальной) общностью почти всегда по-разному интерпретировалась (этническая против политической концепции нации), но эта национальная идентичность всегда оставалась принципом гомогенизации. Отсюда изначальное противоречие современного государства с плюралистическим обществом, которое представляет собой конгломерат идентичностей.

Мой вопрос заключается в следующем. Может ли этнический федерализм выступать инструментом обеспечения баланса между единством и разнообразием? Может ли федерализм как инструмент согласования и разрешения конфликтов работать на обеспечение условий и институтов, которые демократическим образом сохраняют групповую отличительность, но также формируют лояльность общему государству?

Федерализм и демократия

Оба принципа носят конституционный характер (или природу) и оба представляют собой принципы властного контроля, но имеют различные ценностные ориентации, т.е. разнообразие и равенство. Демократия изначально привержена равному представительству всех индивидов, что процедурно является, по словам канадского исследователя федерализма Чарльза Тэйлора, "враждебным в отношении различий". Либерализм не воспринимает политику групповых различий на уровне государствоустройства и поэтому структурно не способен удовлетворить запросы мультикультурализма, основанные на ценностях разнообразия и коллективного права. Либерально-демократические ценности защищают разнообразие только как основанное на универсалистских, а не на партикуляристских началах.

Современная интерпретация подвергает сомнению старую формулу "свобода, равенство и братство" и предлагает альтернативную "безопасность, разнообразие, солидарность". Эта

формула не совсем нова, и если посмотреть на европейский, а не на американский федерализм, то можно обнаружить в нем изначальное внимание к ценностям общины и коммуналистской политики. Кантональная идентичность и демократическая интеграция лежат в основе швейцарского федерализма, и именно это помогает сохранять языковое и религиозное разнообразие и децентрализованную, кантональную и общинную лояльность. Унификационная составляющая крайне слаба в этой системе федерализма. Здесь федерализм — не коррекция и дополнение к основополагающей структуре национального правления, а структурный принцип демократии, построенной на согласии. Здесь демократия включена в качестве элемента в федеральную структуру, а не, наоборот, для защиты интересов структурированных меньшинств внутри многокультурного общества. Это не *демократическая федерация* мэдисоновского типа, а *федерализованная демократия*. Здесь федерализм и демократия изначально связаны друг с другом.

Сегодня существует как бы три стратегии или формулы: демократически гражданская — без или против этничности (американская и французская модели); демократически гражданская — с одной (единственной) этничностью (немецкая модель); гражданская — через демократически интегрированные этничности (швейцарская модель).

Как соединить этнический и политический плюрализм в федерализме? Существуют четыре типа ситуаций, при которых федерализм оказывается перед вызовом этнического фактора: федерации в хроническом кризисе (Канада, Бельгия, Индия, Нигерия); распавшиеся бывшие коммунистические федерации; многоэтнические общества с элементами федеральных начал (регионализм, евросообщество); Швейцария — пока еще беспроблемное общество.

Это условное деление, но оно необходимо, чтобы посмотреть, как все это соотносится с проблемой межэтнической напряженности и конфликтами. Главное противоречие — это разные основы идентификации для двух систем: территориальная для государства и культурная для этнических общностей. Они никогда не совпадают, и поэтому их трудно примирить через стратегию обычных индивидуальных человеческих прав. А это означает, что *более жизнеспособная модель — это когда базовые гражданские права на индивидуальной основе дотраиваются коллективными правами. И один из апробированных вариантов осуществления этой модели — этнический федерализм*. Вариант, возможно, не самый идеальный, но реальный, особенно в условиях, обозначенных историей и конкретной политической ситуацией. Российская Федерация попадает именно в этот случай.

ТЕОРИЯ ЭТНОСА И КУЛЬТУРНЫЙ ФУНДАМЕНТАЛИЗМ

Несмотря на технологическую глобализацию, нивелировку быта и массовую культуру, а также на дискриминацию и репрессии в отношении прежде всего малых групп, человечество сохраняет свое этнокультурное своеобразие. В мире насчитывается около 2–3 тыс. этнических общностей численностью от более ста миллионов (ханьцы, русские, бразильцы, немцы, японцы) до нескольких сот человек (кеты, нганасаны, энцы в России). Это единство и многообразие человечества сохранится и в будущем. Оно необходимо человеческому роду для развития, ибо его однообразие — это социальная энтропия или смерть человечества. В силу своей истории и географии *Россия была и останется одним из самых многоэтничных государств мира, а российская "многонародная нация" (по словам русского философа Михаила Ильина) была и будет существовать, если достойно встретит вызовы нового века и если сама себя не разрушит по причине плохого самопонимания и управления.*

В последнее десятилетие этнический фактор привлек огромное внимание в связи с массовыми миграциями, ростом этнонационализма, кровавыми конфликтами и распадом государств под лозунгами "национального самоопределения". Однако содержание и объяснения феномена этничности гораздо сложнее, чем это представляют сторонники паранаучных взглядов, включая все еще громогласных глашатаев "марксистско-ленинской теории национального вопроса". В России особенно много пишется и говорится о так называемых национальных проблемах и национальной политике. Но чаще всего — это поверхностные рассуждения, бытовые мифы и политические спекуляции. *Отсталость взглядов и саморазрушительный смысл слов, доктрин и политических формул столь велики, что именно они, а не сама по себе этническая мозаика страны могут стать ее главной угрозой.*

Этнокультурная мозаика России и всего мира устроены действительно сложно, но эта сложность заключается в ее подвиж-

ности и субъективности. В любом случае мир не состоит из этносов, которые как "биосоциальные организмы" проходят стадии существования и имеют присущие их членам некие особые характеристики, такие, как "пассионарность", "комплиментарность" и прочие. Больше всего на эту тему нафантазировал Л.Н. Гумилев — талантливый историк-популяризатор, но плохой теоретик и слабый этнолог. К сожалению, примерно также думает и большинство российских обществоведов и политиков, начитавшихся или насочинявших массу устаревших текстов (даже если они были напечатаны недавно). *Пришла пора развеять многие из мифов, порожденных одержимостью установления групповых этнических различий и порождающих своего рода культурный фундаментализм, отвергающий гораздо более значимые схожести на личностном и групповом уровнях.*

Этничность: современный взгляд

Общества и государства различаются между собой не тем, как много представителей разных рас, культур и религий в них проживают, а тем, какое значение придается этим культурным различиям и как этот фактор отражается в устройстве и в политике государства. Современная наука рассматривает этничность как чувство принадлежности к группе людей, которые отличаются от других по культуре. Не так важно, какой набор отличительных черт лежит в основе этого чувства, но обычно — это самоназвание группы, язык, исторический миф, религия, некоторые черты материальной и духовной культуры. Этническая (на советском жаргоне "национальная") принадлежность носит подвижный и чаще всего множественный и многоуровневый характер, если это позволяют государство и господствующая в нем доктрина. Человек может на протяжении своей жизни менять свою этническую идентичность или делить ее между несколькими культурами, особенно если он вырос в смешанной семье или среде.

Если бы не советская теория этноса, которая расписывает людей по членству в коллективных телах под названием "этносы" (члены "этноса" — это "этнофоры"), и если бы не длительная советская практика записывать в паспорт одну национальность и обязательно по одному из родителей, то люди могли бы знать и публично объявлять (внутренне очень многие именно так и чувствуют), что можно быть одновременно русским и казахом, русским и евреем или иметь своего рода "вертикальный" набор "национальных" принадлежностей (андиец и аварец, дигорец и осетин, эрзя и мордва, кряшен и татарин, помор и русский, казак и русский и т.д.). Или вообще человек может связывать себя не с какой-то определенной этнической иден-

тичностью, а с общекультурным пространством страны и с ее *демосом*, а не этносом, т.е. чувствовать себя членом гражданской нации и не более. Очень многие испанцы не носятся со своей кастильской или другой этнорегиональной этничностью (кроме каталонцев и басков) и считают себя просто испанцами. Около 2 млн граждан считало себя просто "югославами", пока местный национализм и кровавые войны не вынудили их сделать выбор в пользу той или иной этнической группы, некоторые из которых были просто сконструированы на ходу, чтобы оправдать аргументы силы.

В России живет огромное число граждан, которые предпочли бы называть себя просто россиянами. Часто можно слышать: "во мне столько всего намешано, что и трудно сказать, кто я". Но такая вольность в стране непозволительна: паспортники, милиционеры, социологи и т.п. требуют объявить свою национальность. А писатели вообще заклеили плохим словом "манкурт" тех, кто позволил себе выйти из нормы "родной культуры", хотя сами по этой норме, конечно, не живут. Скорее, "манкурт" и есть современная норма культурной сложности или многокультурности.

Большинство американцев, несмотря на их сложное этническое и расовое происхождение и новых иммигрантов, все-таки считают себя американцами и только американцами, составляя один многоэтничный, многорасовый и многоконфессиональный народ — нацию, но не новый "этнос", как считал родоначальник теории этноса С.М. Широкогоров. Новый интерес и озабоченность этничностью в США — это больше средство противодействия неравенству, отстаивания дополнительных прав и выстраивания солидарных коалиций в обществе жесткой конкуренции. А отчасти это уже "роскошь" культурных увлечений, которую могут позволить себе в состоятельном обществе утвердившиеся бывшие иммигранты.

Взрыв этничности в России — это тоже своего рода форма заполнения идеологического вакуума доступными и понятными формулами и призывами, когда после краха основ организации общественной жизни обращение к этнической принадлежности стало наиболее доступным и понятным средством новой солидарности и достижения коллективных целей в условиях глубоких трансформаций, включая приватизацию принадлежавших государству ресурсов.

Расизм без расы, этничность без этноса

Существование разных этнических общностей и осознание людьми своей и чужой "национальности" часто основано не только на чисто культурных, но и на внешних (фенотипиче-

ских) различиях. Длительная человеческая эволюция, особенно среда обитания (прежде всего климат), обусловили разный облик людей. Эти внешние черты устойчивы и передаются по наследству биологическим путем. Для повседневной жизни людей и для жизни целых стран физический облик населения, т.е. расовые отличия, могут иметь существенное значение. В США, например, афроамериканцы или "черные" считаются отдельной этнической общностью наряду с испаноамериканцами, индейцами, евреями, русскими и другими. Так называемые "визуальные меньшинства" во многих странах имеют самые большие трудности с интеграцией в доминирующую среду. Но это скорее наследие прошлого тысячелетия, точнее последних трех — четырех веков, когда "открывшие мир" европейцы, создавая мир колоний, сконструировали и представления о высших и низших расах. Похоже, мир движется в ином направлении, в том числе и под воздействием невиданных масштабов прямых человеческих и культурных взаимовлияний.

Современная американская и во многом мировая наука вообще отвергла деление народов по расовым типам, считая последние скорее академической классификацией, а не биологической субстанцией, а также результатом социальной политики и идеологии расизма. Другими словами *расизм породил расу, а, не наоборот*. В этом есть свой смысл, ибо наука действительно доказала, что генетические различия между человеком высокого и низкого роста во много раз больше, чем между людьми разной кожи и типа лица. Как полагают некоторые энтузиасты нового взгляда на расу, расовые различия в человеке не глубже, чем толщина его кожи. Кроме того, расовые, или антропологические типы людей существуют только как один из условных инструментов в работе ученых, но в реальности таких типов, а тем более в их "чистом" виде, не существует.

Деление людей по цвету кожи — это условность и особенность социальной жизни, которая присуща только определенным обществам. В США достаточно иметь одну каплю афроамериканской крови, и человек однозначно считается "черным". В Бразилии достаточно иметь одну каплю "белой" крови, и человек считается "белым". "Отбеливание" (есть даже такой термин) в Бразилии и во многих других странах идет гораздо легче, чем в США. В США до сих пор количество "черно-белых" браков и семей не составляет и 1% от общего числа. И это несмотря на огромные усилия по десегрегации и искоренению расизма. Все попытки тех же американских ученых убрать из вопросника национальной переписи населения вопрос о расовой принадлежности не привели к успеху. Слишком много денег, политики и эмоций крутится вокруг "расового вопроса". Но если нет рас, а есть миф о расе, тогда откуда расизм? *Все ge-*

ло в том, что расизм как идеология и практика расового неравенства и превосходства может существовать и без рас как жестких реальных категорий.

Этнонационализм как форма расизма в России

В России нет массового черно-белого расизма, как, например, в США, прежде всего по причине состава населения (первое зримое появление в стране представителей негроидной расы приходится на 1957 г. — год первого Всемирного фестиваля молодежи и студентов в Москве). Если пользоваться традиционной классификацией, то в нашей стране проживают представители двух "больших рас" — монголоидной (буряты, якуты, калмыки, тувинцы, хакасы, алтайцы, корейцы и некоторые малочисленные народы Севера и Сибири) и европеоидной (остальная часть населения).

Фенотипические (визуальные) границы между представителями этих двух светлокожих рас провести очень сложно, ибо за долгую историю контактов сложились промежуточные расовые типы, и многие люди — потомки смешанных браков. По лицам федерального министра С. Шойгу, президента Якутии М. Николаева, кемеровского губернатора А. Тулеева определить их расовый тип невозможно, как и у огромного числа других россиян. А это означает, что принадлежность к этнической группе (национальность) не должна связываться с расовыми характеристиками. Тем не менее появились уже учебные пособия типа "Народы мира", где имеется глава "Какого цвета бывают народы?" и где юных россиян учат расовому мышлению. Моя коллега по институту Галина Аксянова издала справочник о 100 народах Российской Федерации, в котором содержатся сведения "о преимущественном расовом типе" всех групп. *Именно привитое расовое мышление порождает расизм и ксенофобию, а не какие-то генетические и другие черты заставляют относиться по-разному к людям с неодинаковым цветом кожи, овалом лица или формой глаз.*

Поскольку в России увеличивается и будет расти число людей с темной кожей (в основном выходцев из Африки), то "классический" черно-белый расизм — это только одна из будущих проблем страны. Хотя уже сейчас имеется большая группа детей и молодых людей — потомков смешанных браков российских женщин с темнокожими африканцами, и об их сложных проблемах даже написана отдельная книга-исследование. В чем-то нашей стране следует учесть уроки других стран, как не допускать распространения расизма. Мне помнится разговор с одним американцем, который в начале 1970-х годов жаловался, что "Америка катится в пропасть", поскольку "уже и на

улицах Нью-Йорка появились черные полицейские". Спустя четверть века США имеют эту категорию граждан среди кандидатов в президенты, командующих армией, государственных секретарей, ректоров университетов. Т.е. эта страна нашла ответы и в целом справилась с меняющимся этнорасовым обликом своего населения, хотя сделать это было не так просто.

В России место расового мышления и расизма заняла этничность и основанные на этнических различиях негативные стереотипы и ксенофобия. Формой отечественного расизма можно считать понятие "черные" или "кавказцы", распространяемое на выходцев из Средней Азии и с Кавказа. Ничего общего с расовыми отличиями у этого деления людей нет, зато оно означает дискриминацию и даже насилие по отношению к российским "черным". И все же главная проблема — это этнонационализм в его крайних формах, который в России особенно расцвел в последнее десятилетие. Каковы его причины и в чем его суть?

От бытовых страхов к толерантности

Условно этнонационализм в России можно разделить на две категории: русский и нерусский. Этнонационализм от имени русских обусловлен реакцией людей с не очень высоким уровнем жизни и гражданской культуры на быстрые перемены, происходящие в стране, в том числе и этнического состава населения, когда появилось много новожителей с разными традициями и нормами поведения. Влияют также и воспаленная журналистская риторика, выводы ученых и политиков о том, что идет "вымирание русских" в России и через несколько десятилетий страна потеряет свой исторический облик. Имеет место и реакция на агрессивные формы нерусского национализма и насильственные конфликты, в результате которых несколько миллионов этнических русских вынуждены были покинуть места своего постоянного проживания. Некоторые просто бежали, потеряв все, как это было в Таджикистане, Азербайджане, Чечне. Выдавливание или просто отъезд русских происходит из российских республик, особенно республик Северного Кавказа.

Но это только половина объяснения. Этнический национализм в гегемонистской, шовинистической форме русские или просто так называемые постоянные (коренные, титульные) жители демонстрируют необязательно как защитную реакцию. Русский национализм, а точнее, национализм от имени русских активно эксплуатируется политиками разных направлений и уровней. Чаще всего он является средством завоевать симпатии замороченных людей, обеспечить голоса, уничто-

жить конкурента на престижное место или в бизнесе, что прикрывается риторикой "национального возрождения", "национальной гордости", "внешнего нашествия", "ползучей экспансии", "нахлебничества" и т.п.

На самом деле во всем этом реальны только сами страхи и политические манипуляции на проблемах, в которых гражданам часто нет времени разбираться. Если высоки цены на фрукты и овощи на контролируемом азербайджанцами рынке, если эти азербайджанцы ездят на хороших машинах и купили квартиры в городе, если в городе стало больше преступлений и наркотиков, значит, они — азербайджанцы и есть причина наших проблем. Если их изгнать — тогда арбузы будут сами продавать себя у каждой станции метро и в любое время, машину и квартиру получит наша семья, а в город вернется спокойствие и останутся в нем только привычные лица.

Ничего этого не произойдет, а скорее, в городе вместо фруктово-овощного изобилия на рынке и в магазинах останутся пучки подмосковной зелени, которую по мере созревания будут продавать старушки. Но тогда почему такое отторжение тех, кто явно приносят полезные услуги? Дело в том, что *обычные люди тревожно реагируют не на сам факт совместного проживания людей разных национальностей, а на резкое изменение привычной пропорции состава населения.* Наука не доказала, что есть некий этнический код, содержащий какие-то стойкие установки, в том числе и негативное отношение к "другим". Человека нужно научить реагировать на другие язык и культуру. А научить можно по-разному: "другое" — значит интересно и важно для жизни или "другое" — чуждое и враждебное, что мешает жить. Последнему научить легче, ибо не нужно прилагать особых усилий, чтобы учить другой язык и культуру, а только указать — это враг и причина твоих бед.

Демографические мифы

В России действительно существуют серьезные проблемы демографического роста, межэтнических отношений и мигрантов. Но чрезмерные страхи во многом необоснованны и контрпродуктивны. Население нашей страны сильно изменилось за десять лет и будет меняться в ближайшие 20 лет. Общее число народов (или этнических групп) по переписи 2002 г. должно вырасти примерно на 50 новых названий по сравнению с 1989 г. Но это не от того, что кто-то скрывал эти группы в прошлом. Хотя принудительная перезапись малых групп в другие, более крупные имела место, как, например, аваризация почти десятка более мелких андо-цезских народов. Но главное — это то, что

принадлежать к малой культуре стало интереснее, важнее и выгоднее. Нашлись этнические активисты, которые сумели убедить: живущие в их районе часть жителей — это, скажем, не телеуты или татары (так они записывались в прошлых переписях), а малочисленный народ *калмаки*; не аварцы, а *ахваццы*, *арчинцы*, *ангийцы*; не татары, а *булгары*, *мишари*, *кряшены*.

Один сильно озабоченный представитель Болгарии уже внес проект резолюции в Парламентскую ассамблею Европы по поводу защиты "многомиллионного меньшинства булгар" в России. Будет резолюция, будут деньги — будут и булгары. Значит, будет и еще одно "доказательство", что Россия остается "тюрьмой народов", которых угнетают русские. Тем более, что в западных языках до сих пор нет различия между двумя разными словами: *русский* и *россиянин*. Военные в Чечне — *русские*, Е.М. Примаков — *русский* премьер, генерал Рохлин в Грозном — *русский* генерал. Пришла пора внешнему миру по инициативе МИДа России исправить латинскую букву *U* на *O* для более точного названия страны *Russia*, чтобы развести понятия *русский* и *российский*. Одна эта буква может совершить революцию во внешнем восприятии нашей страны.

По сравнению с царской Россией и СССР, где русские никогда не превосходили 51%, теперь, после отделения 14 бывших союзных республик, они составляют в РФ около 82%, т.е. подавляющее большинство. Но их доля будет уменьшаться, как и доля некоторых других этнических групп (чувашей, мордвы, удмуртов, татар), ибо естественный прирост среди представителей этих народов ниже, чем среди представителей народов Северного Кавказа и некоторых народов Сибири (тувинцев, якутов, бурят).

Если механически считать, беря за основу проекции только последние годы, то можно получить пугающие данные (что и делают некоторые ученые и политики). Ряд авторов, пишущих о "трагедии великого народа" (В.И. Козлов, Г.И. Литвинова, Е.С. Троицкий, Б.С. Хорев и другие), производят недобросовестные "страшилки" по поводу того, что через несколько десятилетий число русских уменьшится на одну треть, а через сто лет русских в России будет всего 20% населения.

Но дело в том, что, несмотря на популярность этих расчетов, цена их мизерная. Они никогда не сбудутся по ряду причин. Прежде всего этнический состав населения и численность этнических групп меняются не только в зависимости от естественного движения, но и миграции. Миграция здесь играет важную роль, и следует ожидать, что среди иммигрантов в России в ближайшие десятилетия по-прежнему будут преобладать русские, особенно если в стране будут иметь место экономический рост и улучшение жизни населения.

Но главное не в этом: этнические группы пополняются или уменьшаются за счет смены идентичности в ту или иную сторону, особенно в среде смешанных семей. И здесь *русскость* остается самой престижной этнокультурной идентичностью в России, и в число русских перейдут многие потомки смешанных браков, в том числе и "русско-кавказских". Дети моего оппонента Р.Г. Абдулатипова будут русскими, даже если он настаивает на том, что они аварцы. Язык русской матери и московская среда сделают свое дело. Помешать только могут звучание имени, отчества и фамилия, а также внешность. Но от этих стереотипов российское общество будет и должно уходить. В дореволюционной России русскими также считались многие, кто принял православие, хотя их имена и фамилии могли звучать как немецкие, украинские, татарские или еврейские. В США, Франции или Англии несколько десятилетий назад большинство населения тоже не желало выговаривать китайские или арабские фамилии, а сейчас хорошо этому научилось и даже работодатель не делает настороженное лицо при найме людей с "трудными фамилиями".

Если понятие "русский" никак не связано с расой, то тем более оно никак не связано со звучанием фамилии, даже если бытовое сознание считает по-другому, а среди некоторых ученых существует список "русских фамилий". К этому более широкому пониманию русского человека нам следует начинать привыкать ради спокойного будущего. Не говоря уж о понятии *россиянин*, которое не имеет этнического смысла, но зато носит достойный и самый важный для жизни человека гражданский характер. Это и будет *принцип национальности*, как мы его уже признаем в отношении граждан других стран мира.

Кстати, все демографические прогнозы могут быть посрамлены именно по причине *этнического дрейфа*, т.е. свободного выбора и перехода из одной этнической группы в другую. Так, предстоящая в 2002 г. перепись наверняка посрамит всех глашатаев вымирания малочисленных народов Севера и Сибири. Их число на самом деле вырастет в связи с принятием в 1999 г. нового закона "О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации". Многие "половинки" переписутся из якутов в эвенков, из русских в камчадалов и чукчей, из хакасов в тофаларов и т.п. Не исключаю, что некоторые россияне смешанного происхождения могут перейти также из русских в евреев, немцев, татар, башкир по политическим, идеологическим или эмиграционным мотивам. Но все равно русские получают больше, чем теряют. Поэтому в XXI в. число русских не перейдет границу ниже 100 млн, но само понятие "*русскости*" несколько изменится.

Общество научится воспринимать Амана Тулеева русским (каковым он и является на самом деле), хотя сам он пока в это не верит.

Судьба и роль мигрантов в России

На протяжении долгого исторического времени Россия была страной-донором в мировых миграциях. В XXI в. ситуация будет обратной, и к ней нужно готовиться и правильно воспринимать новую перспективу. Миграция в Россию в последнее десятилетие уже сыграла большую позитивную роль, ибо наполовину компенсировала сокращение постоянного населения. А если мы избавимся от официальной ксенофобии и научимся считать незарегистрированных иммигрантов, которые тоже составляют совокупное население страны, тогда можно считать, что большой убыли населения в России 1990-х годов фактически не произошло. В РФ не менее 1,5 млн "незаконных иммигрантов" и еще, возможно, столько же, кто, переехав жить к родственникам или близким, до сих пор не получил официальной регистрации. Все эти миллионы людей — жителей России в текущей статистике численности населения отсутствуют.

Учитывая тенденции рождаемости и смертности, в ближайшие годы именно иммиграция будет основным источником пополнения населения страны, и к ней должно быть соответствующее отношение. Пока сельские власти и жители не научатся заманивать к себе новожителей, в российских деревнях сохранятся убогость и беспросветная жизнь.

Сегодняшний прогноз Госкомстата России гласит, что к 2016 г. население страны сократится еще на 10,4 млн человек по сравнению с началом 2001 г. и составит 134,4 млн человек. Я в этот прогноз не верю. Он не учитывает минимум два обстоятельства. Прежде всего у ныне не посчитанных нескольких миллионов мигрантов (а это в большинстве молодое мужское население) рождаются собственные дети, которые уж точно станут гражданами России. И потом даже незначительные усилия по борьбе с высокой смертностью, особенно от отравлений алкоголем и несчастных случаев, а также поддержка рождаемости (особенно второго ребенка) сразу же дадут ощутимые результаты. Хотя на чудо быстрого роста надеяться нет оснований.

Заблуждаются те, кто считает, что "демографическая катастрофа" — это результат "шоковой терапии" и обнищания. Скорее, наоборот, более высокая рождаемость наблюдается сегодня среди бедного сельского населения Дагестана, других республик Северного Кавказа, Тувы и Алтая и самая низкая —

среди жителей самых благополучных городов. Именно улучшение условий жизни в последние годы и стремление к социальному благосостоянию сдерживают рождаемость. Поэтому один из последних мифов "ельцинского геноцида" должен быть развеян. *Бесконечные слова о "вымирании" и "обнищании" могут действительно привести не только к политическому, но и к реальному бесплодию.*

ЭТНИЧНОСТЬ, ПРАВО И ЗАКОН*

Каковы перспективы правового регулирования этнических проблем в Российской Федерации и в других государствах бывшего СССР? Каков недавний исторический и современный контекст правового, в том числе и законодательного, регулирования вопросов этнического разнообразия и межэтнических отношений в государстве со сложным составом населения, каким является Россия? По данным вопросам в отечественной науке и в политике идут достаточно острые и во многом мало продуктивные дебаты, хотя реальная законодательная деятельность и правоприменительная практика последних лет имеют некоторые достижения при множестве упущенных возможностей и совершенных ошибках.

К числу достижений можно отнести ряд принятых федеральных законов и других правовых актов, и прежде всего утвержденную Президентом РФ "Концепцию государственной национальной политики в Российской Федерации" (1996 г.), законы "О национально-культурной автономии" (1996 г.) и "О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации" (1999 г.). Россия присоединилась к ряду международно-правовых актов в данной области, прежде всего к рамочной конвенции Совета Европы "О правах национальных меньшинств". Решающую роль в продвижении по пути внедрения демократического законодательства в области регулирования межэтнических отношений сыграла Государственная дума последнего созыва (1995 – 1999 гг.), особенно ее Комитет по международным отношениям во главе с В.Ю. Зориним.

Россия как невыученный урок

От советского времени нам досталось крайне противоречивое наследие в области этничности, а еще более сложной и откровенно кризисной оказалась в этом отношении современная

---

*Ранее опубликована. См.: Человек и право: Книга о летней школе по юридической антропологии. М., 1999. С. 189 – 195.

ситуация. Причем настолько кризисной, что стоит реальный вопрос самого кардинального значения: сможет ли сохраниться Российская Федерация в ее современной пространственной конфигурации и в ее нынешнем государственно-административном устройстве? По крайней мере даже руководители федерального правительства вслух высказывают, казалось бы, недопустимые мысли о “возможности потерять Дагестан”, а некоторые ведущие государственные деятели, в том числе из российских законодателей, откровенно выступают с антиконституционных позиций в отношении признания независимости Чечни. В стране существует мощная тенденция пересмотра основ государственного федеративного устройства, которое ныне включает в себя асимметрию в виде существования этнотерриториальных автономий (республики, автономные область и округа) наряду с областями и краями.

Только сложностью проблем, ослабленностью государства в период глубоких общественных трансформаций, недостатком компетенции, ответственности и воли со стороны политиков возможно объяснить огромный разброс мнений и действий, включая и откровенно антигосударственные, недопустимые в зрелых обществах с ответственными гражданами и компетентными политиками заявления. Конечно, масштаб конфликтов, особенно исход первой войны в Чечне — оформление и полупризнание региона вооруженного сепаратизма, неконтролируемого центральным правительством, представляли собой огромное потрясение для общества и тяжкое бремя для российских политиков, большинство из которых искренне желают благополучия стране и своим избирателям. Кое-кому может казаться, что есть более простые решения — “отпустить” Чечню или весь Северный Кавказ, сделать из республик губернии, самоопределившись русскому народу в отдельную республику или дать всем “свою” государственность и прочее. Еще более отчаянные головы высказываются за использование тотальной силы и через нее за “наведение порядка в стране”. Число официальных диагнозов и рецептов в общественно-политической литературе достигло столь критической массы, что порой приходишь к неутешительному выводу: из этого языкового хаоса и строящейся на нем политики выбраться уже невозможно. Иных охватывает ощущение безысходности: как все идет — пусть и идет, рано или поздно образуется, а вмешательство бесполезно.

Мы не разделяем эту фаталистическую позицию и полагаем, что ход событий и даже общая эволюция, в том числе и государства, — это результат повседневных и целенаправленных усилий. Чем более эти усилия осознанны и компетентны, тем эффективнее результат. Ничто не запрограммировано самой

историей. Она прежде всего используется как современный политический и идеологический ресурс. Конечно, есть определенные ограничители, в том числе и в состоянии умов. Хорошо усвоенные и долго насаждаемые взгляды и представления просто так не меняются. Должная компетенция обретается политиками и экспертами не сразу. Жизнь показала, что научиться создавать банк или успешную коммерческую фирму легче, чем написать текст закона или президентского указа, который не повторял бы ментальные конструкции партийных резолюций советского времени и работал бы успешно в новых исторических условиях.

Все это означает, что необходимо время для обучения или переобучения как рядовых граждан, так и элитных слоев тому, что есть государство их проживания, на какой основе оно строится, кому принадлежит и даже какие имеет пространственные параметры. Для обучения России (т.е. выучить, что есть Россия) совсем необязательно прибегать к скорым и радикальным решениям, особенно если они касаются переустройства, а тем более упразднения или дезинтеграции государств. *Государства — это наиболее устойчивые и длительно существующие формы социальной коалиции людей. Они хотя и не создаются Богом и не существуют вечно, но каждое отдельное поколение имеет ограниченное право распоряжаться этим достоянием.*

Распад СССР был столь радикальной социальной операцией, требующей длительной послеоперационной терапии, что новый круг дезинтеграции за счет территорий России, Грузии, Азербайджана или Украины уже ничего не даст. Ибо для благополучной социальной жизни людей нужно менять не границы политий (государственных образований), а улучшать само правление. Другими словами, после образования Российской Федерации в 1991 г. проблема не столько в том, что все нужно строить заново или перестраивать, а в том, чтобы адекватно понимать природу и даже "внешний вид" современного российского государства и определить основные составляющие его эффективного управления. Здесь фактически нет мелочей, даже в виде бытового языка, формирующего устойчивые образы.

Приведу лишь один из многих примеров, насколько важно утверждение в ментальности граждан адекватного географического образа страны. Получилось так, что многие молодые россияне лучше знают географию США, Кипра или Испании, чем родной страны, а для некоторых профессиональных манипуляторов общественным мнением (журналистов, писателей, ученых-публицистов) Россия — это не более, чем вид с Останкинской башни или прежде всего Москва, Крым и Севастополь. Едва ли кто из них допустит выражение "США и Аляска" или "политика США в Калифорнии", а тем более "ввод (вторжение)

американской армии на Гавайи". В то же самое время клише, подобные "Россия и Северный Кавказ", "Россия и Дагестан", "Россия и Татарстан", стали столь общеупотребимыми, что даже документ об основных направлениях федеральной политики в отношении северокавказского региона обретает название "Концепция государственной национальной политики Российской Федерации на Северном Кавказе". Фраза "ввод российской армии на территорию Дагестана" вообще была одним из обычных речевых оборотов при освещении кризиса в августе – сентябре 1999 г. в этой части России. Конечно, не все так наивны и малограмотны. Когда ведущие программ НТВ категоризовали в новостном потоке Чечню как "юг бывшего СССР", а в редакции газеты "Московские новости" занимающиеся Чечней сотрудники входили в отдел зарубежной журналистики, то это уже позиция, а не слабая просвещенность.

С Россией произошла крайне интересная коллизия. Историческое государство – СССР было упразднено по воле и согласию современного поколения политиков, представленных прежде всего лидерами бывших союзных республик. Именно факт верхушечного согласия был признан основным легитимным фактором для упразднения СССР и для его внешнего признания. Риторика национального самоопределения, а тем более распада некой "последней империи" была лишь дополнительным эмоциональным аргументом, а не международно-правовой основой крупнейшего исторического действия. Эта риторика представляет собой постфактическую рационализацию, которая теперь все больше закрепляется в исторических трудах и в массовом сознании как доминирующая версия.

Опыт постсоветского государствовоительства

Все новые государства были сконструированы сначала политически, и только потом стали оформляться социально-культурные сообщества (другими словами, сначала Франция и Италия, а только потом французы и итальянцы). В 1991 г. было выкрикнуто слово "Россия" в его новом государственном обозначении, как и другие постсоветские государства. Что это означало на самом деле, кроме административных границ между союзными республиками и разной степени местного национализма/патриотизма (украинского, грузинского, узбекского), плохо себе представляли как политики, так и население бывшего СССР. Обустройство новых государств в смысле утверждения институтов и господствующего образа страны началось уже после распада СССР. Сложнее всего судьба распорядилась с Россией. Не оттого, что у новой России меньше ресурсов и других оснований быть самостоятельным государством, а отто-

го, что она больше всего связывалась с представлением о прошлой стране и в ней ментальное государствостроительство пошло более хаотично и со смутными представлениями.

Как это ни покажется невероятным, но неясность процесса российского государствостройства (институционального и ментально-символического) обусловлена тем, что в Москве как жили, так и остались проживать все основные идеологи "социалистического федерализма" и "решения национального вопроса". К ним присоединились новые рекруты из числа бывших диаматчиков и истматчиков, ставшие теперь культурологами, националогами, этнополитологами, конфликтологами. Мощные исследовательские и пропагандистские институты, как, например, ИМЭЛ при ЦК КПСС, обрели новые, приближенные к "горячей проблеме" названия. Став Независимым институтом социальных и национальных проблем, это учреждение, как и многие аналогичные кафедры и центры, под словом "национальных" по-прежнему имеют в виду не государственные, а этнические проблемы, и для внешнего потребителя в иностранном звучании так и объясняют сами себя. В то же время отказ в собственной реконцептуализации они объясняют отечественной научной традицией или неповторимой российской спецификой, а иногда просто языковой гетероглоссией.

Распад СССР ограничил демагогию и новый камуфляж "спецов по нацвопросу" пределами России, отчего другим странам стало легче определяться (даже на той же идеологической основе этнонационализма), а России крупно не повезло. Родовая несостоятельность господствующих подходов к "национальному вопросу", особенно в законодательно-правовых аспектах, была замечена мной еще во времена горбачевских XXVIII съезда КПСС и Съезда народных депутатов. Как известно, СССР представлял собой единственное государство, где отрицалась и даже осуждалась территориальная основа федерализма, где мобилизующая метафора "нации" была отдана в исключительное владение населявших страну этнокультурных общностей, где для общегосударственной консолидации использовался суррогат "нации" в форме "советского народа". Эта конструкция содержала в себе своего могильщика в случае наступления времени ответственных смыслов и процедур реализации этих смыслов.

Как только зал в Кремлевском Дворце съездов дружно и слепо поддержал предложение депутата Е. Евтушенко изменить во фразе из текста президентской присяги "Я клянусь народу Советского Союза" единственное число на множественное в слове "народ", мне стало ясно, что вместе с этим словом хоронится и общегражданская основа государства. Слово "народ", всегда, во все времена, во всех правовых теориях и в дей-

ствующим международным документах означавшее территориальное сообщество, в посткоммунистическом контексте закреплялось за этнической общностью, т.е. однозначно обрело этнографический, а не гражданско-территориальный смысл. В этой же ментальности Съезд народных депутатов принял и один из первых законов "О правах граждан, проживающих на территории не своей государственности", сразу же обозначив правовую лженорму, что одни носители советских паспортов с "правильной" национальностью (созвучной названию республики) являются исключительными собственниками соответствующего государственного образования, а другие — имеют "свою" государственность или в другой части страны, или вообще за ее пределами. Эта рожденная отечественными юристами и законодателями "своя — не своя" норма в отношении тех, кто создает государство, оказалась очень живучей и стала позднее основой для массовой дискриминации, межэтнической напряженности и конфликтов.

Несмотря на то что все постсоветские государства были созданы от имени проживающего на их территории населения, участвовавшего в процедурах волеизъявления, при конституционном и дальнейшем законодательном оформлении этих государств преимущественное или даже исключительное право на них узурпировали те жители, которые принадлежали к одной ("коренной" или "титульной") этнической общности. Сделано это было через разные правовые конструкции или словесные уловки. Одной из самых распространенных была компромиссная запись в конституциях о том, что государство создается от имени всех его граждан, но в то же время это государство является формой самоопределения определенной этнонации и поэтому является "национальным" государством этнических молдован, украинцев, казахов, узбеков и т.п. Кое-где сделали запоздалые уступки, записав в число владельцев "национальной" государственности и другую группу (например, абхазов в Грузии, но не осетин и аджарцев!). Но в целом, за некоторым исключением (Литва, эпизодически Украина, Казахстан, Эстония), никто не попытался встать на общегражданские основы нациестроительства, несмотря на настойчивые рекомендации внешних экспертов из западного сообщества и из стран Востока, где этничность вообще исключена из правовых категорий государствообразования.

Таким образом, новые государства (кроме России), уйдя от советской "многонациональности", застряли на полпути, сконструировав ненадежную правовую схему. Суть ее примерно такая. Украина — это национальное государство этнических украинцев (украинской нации), остальное население относится к национальным меньшинствам, куда были записаны рус-

ские, поляки, крымские татары и многие другие. Членами нации они могут стать, видимо, только после "украинизации", другими словами, после культурной ассимиляции, которая иногда мягко называется "интеграцией". Аналогичная схема во всех остальных государствах, кроме Латвии и Эстонии. Там принцип гражданства включен в понятие нации, но зато из гражданства исключено подавляющее большинство "некоренных" иноэтничных жителей. Там тоже установка на интеграцию получающих гражданство, которая понимается как латышизация или эстонизация в культурно-языковом отношении. Иначе говоря, даже самый лояльный по отношению к государству гражданин, исправно платящий налоги и служащий своей стране, членом нации не является и всем набором соответствующих прав не обладает, если он желает сохранять свой язык и свою культуру и по какой-то причине не становится хотя бы двуязычным.

Неизбежность будущих корректив

Этнонационализм как основа государственностроительства был избран не только для того, чтобы радикально дистанцироваться от России и от ее культурной системы на основе русского языка, или утвердить доминирующие позиции новых "государствообразующих" культур и новых государственных языков. Была и утилитарная цель — через сохранение советского доктринального наследия "социалистических наций" не расширить, а наоборот, заузить число претендентов на власть и на доступ к ресурсам, особенно в условиях приватизации и рыночных преобразований. Но самое главное, — такова была идеология, правовая практика и уже ставшее бытовым мышление — "национальность" понималось не как гражданство, а как культурная принадлежность, что помешало более решительной самоорганизации тех, кто попал в категорию не членов самоопределившихся наций (меньшинств, апатридов, не граждан и прочих). Им никто не объяснил, что новое государство — это их общее достояние.

При всей узвизимости и противоречивости избранных конституционно-правовых основ обустройства многоэтничных государств бывшего СССР (речь пока не идет о России), у них есть перспективы неизбежных коррективов в сторону общедемократических принципов государственностроительства и отхода от этнонационализма. Во-первых, демонтаж русского языка как одного из мощных инструментов модернизации и ассимиляция русских или дерусификация нерусских этнических меньшинств (например, переход гагаузов в Молдавии с русского на молдавский) фактически маловероятны при постоянном

наличии мощного русскоязычного культурного массива в соседней России и при сохраняющихся позициях русского языка как одного из мировых. О наследии "колониализма", которое нужно устранить, ныне говорить не приходится. Это все равно, как если бы Индия стала осуществлять демонтаж английского языка, или другие страны Азии и Африки — язык бывших метрополий, который часто является единственным официальным языком и уж точно единственным языком, обеспечивающим культурную целостность многоэтнических государств. Таким образом, *этнонационализм становится контрпродуктивным, и ему на смену будет приходиться общегражданский национализм новых государств, который строится не на исключении, а на включении граждан разных культур и языков в единые нации, как это имеет место в остальном мире.*

Во-вторых, рано или поздно более решительно заявят о себе и те, кого поставили вне новых наций, ибо автохтонные (не иммигрантские) меньшинства нигде и никогда из национальных сообществ не исключаются.

Так что у новых соседей России достаточно интересные перспективы решения вопросов межэтнических отношений и кое-какие уроки, как негативные, так и позитивные, уже можно учитывать и россиянам. По крайней мере почти все эти государства смогли оформить правовые отношения со своими гражданами через систему паспортов без привязки этой процедуры к указанию этнической принадлежности. Правда, не обошлось без уловок: в английском тексте казахстанского паспорта в графе "национальность" указано "Казахстан", а на казахском языке стоит "казах", "русский" и т.п. Перед мировым сообществом выглядит прилично, и собственные комплексы оказались удовлетворенными. В Грузии в паспортах национальность — это гражданство, но в удостоверениях личности — этническая принадлежность.

Есть еще одна важная проблема конституционно-правового обустройства постсоветских государств. Все они (опять же кроме России) избрали унитарную форму устройства, не рискуя на федерализм. В принципе унитарное устройство не противопоказано многоэтническим странам, но федерализм — лучше, ибо позволяет существовать этнотерриториальным формам внутреннего самоопределения. Подобные автономии фактически существуют в Узбекистане, Грузии, Молдове и даже на Украине — Крымская республика, правда, статус и будущее которой в рамках Украины пока еще до конца не определены. Формальная федерализация возможна и даже необходима не только в Грузии и на Украине и не только по причине этнического фактора, но и большого регионально-культурного разнообразия, существующего во многих постсоветских государствах.

*От многонационального народа
к многонациональной нации*

Какая ситуация сложилась в Российской Федерации, которая лишь одна из всех стран сохранила на конституционно-правовом уровне формулу "многонациональности" и вместе со всеми остальными новыми государствами не рискнула сделать выбор в пользу "многонациональной нации" или какой-то другой новации? В принципе была возможность вообще обойти этот сюжет в тексте основного закона, как это сделано в конституциях большинства стран мира. Кстати, в тексте Федеративного договора вопрос о "нациях" не присутствует, но суть этого документа оказалась более чем приемлемой для представителей основных народов и для республиканских образований. В свое время мне довелось быть одним из основных авторов таких официальных документов, как "Резолюция XXVIII съезда КПСС по национальному вопросу" и "Концепция государственной национальной политики в Российской Федерации". Нам удалось тогда уйти от употребления в них слова "нация". Смысл и значение документов несколько не стали слабее без этого слова. Более того, была оставлена возможность его общественно-политического употребления в разных значениях, а также не блокировалась реальность существования национального государства под названием Российская Федерация и многоэтничной гражданской общности россиян.

Как показала практика федерального законодательства, невозможно записать термин "нация" и в тексты законов. Законодатели вполне резонно обходятся менее нагруженными понятиями, как, например, "народы", "этнические общности", "национальности". В последнее время появился термин "национальные меньшинства", но он для России мало подходит и едва ли утвердится как правовая категория. Причина здесь не в том, что в России нет меньшинств или государство отказывается признавать их существование и наличие вытекающих из этого специфических прав и норм части граждан, принадлежащих к данным категориям. Просто Россия ушла дальше в правовом обеспечении меньшинств, закрепив за ними не только право на национально-культурную автономию, как этого требуют международно-правовые минимумы. В России основные и компактно проживающие меньшинства (строго говоря, это все нерусские народы) еще с советских времен имеют территориально-государственную форму самоопределения, которая в действующей Конституции определяется как республики-государства. Эти этнические общности уже давно "национализированы" и на статус меньшинств вполне понятно согласиться

не могут. Кстати, по этой же причине им трудно принять категорию российской гражданской нации, хотя это как раз вполне возможно и необходимо. Существует же каталонская нация в составе испанской, шотландская нация в составе британской, саамская нация в составе норвежской и т.п. Эти понятия и даже правовые категории являются не взаимоисключающими, а взаимодополняющими, а их основная миссия — политическая и эмоциональная легитимация.

В итоге претендентами на правовую категорию "национальные меньшинства" в России остаются только представители дисперсно расселенных групп, у которых нет территориальной автономии (возможно, российские немцы, греки, корейцы и другие). Но опять же возникает проблема, когда эти группы начинают характеризовать как не имеющие "своей" государственности или как не принадлежащие к "основному населению" (уязвимый термин из Рамочной конвенции). И то, и другое — правовой нонсенс и ненужная приниженность части граждан. В России все имеют одинаковые паспорта своего(!) государства. Не могу себе представить, что я как директор института имею "свою" государственность, а для двух заместителей директора (гагауза и украинца по национальности) эта государственность "не своя". Еще хуже обстоит дело с "основным населением". Неужели можно разделить депутатов Федерального собрания РФ на "основных" и "не основных"? А если нельзя, тогда зачем принимать документы с подобной категоризацией для остального населения страны?

Но самая кардинальная проблема для законодательного обустройства межэтнических отношений в России — это пределы огосударствления этничности без ущерба базовым индивидуальным правам человека. От СССР нам досталась столь высокая степень правовой институализации этничности, что она могла существовать только по причине ее часто пустой декларативности. Чего стоила хотя бы запись в советских конституциях о праве наций на самоопределение вплоть до отделения. Наследие это столь жесткое, что российское государство до сих пор не может оформить свои правовые отношения с гражданами через систему паспортов, ибо многие граждане желают зафиксировать не только свою принадлежность к государству, но и к определенной коллективной общности. Через это можно получить дополнительные права внутри страны или предпочтительное право на эмиграцию в некоторые государства. Сохраняется и бытовая боязнь постсоветских людей, что бумага-справка — это все, а без официальной бумаги у тебя и нет этнической принадлежности. Мне кажется, что есть вопросы, где правовые нормы должны носить опережающий характер и не следовать бытовой мифопоэтике и политической спекуляции.